

Н. Невгод

ПРОКЛЯТЫЕ
УАСЫ

18+

Наталья Невгод

Проклятие Удава

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39144843

ISBN 9785449366863

Аннотация

Опасаясь расправы, она сбежала из родного города за тысячи километров. Мечты и чаяния ограничивались самой малостью: остаться живой, найти крышу над головой и работу. Если бы кто-то рассказал ей хотя бы часть того, что ожидает её на чужбине, она бы сочла это полным бредом: ведь в жизни ничего подобного не бывает! Особенно в такой, как у нее – серой, безрадостной, беспросветно нищей. Чужбина оказалась весьма щедрой на сюрпризы...

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	31
Глава 3	47
Глава 4	57
Глава 5	72
Глава 6	83
Глава 7	100
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Проклятие Удава

Наталья Невгод

© Наталья Невгод, 2018

ISBN 978-5-4493-6686-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Поцелуй Сатаны

Глава 1

Бли-и-ин!.. Что ж теперь делать-то?

Ольга потерянно вертела в руках левый сапог. К его обшарпанному виду она давно привыкла, притерпелась к щели между голенищем и подошвой, но чтоб подошва наполовину отсоединилась от родного голенища... О-о-о! Это была настоящая катастрофа!

Правый сапог выглядел получше, пожалуй, его хватило бы ещё недели на две-три.

– Но не могу же я ходить в одном сапоге – окружающие не поймут, – пошутила она сама себе. По идее, шутка должна была хоть немного взбодрить хозяйку, но... В груди сдавило так, что стало больно дышать, а на глаза навернулись слёзы.

В который уже раз она подумала, что зря сбежала из родного города. Наверняка можно было что-то придумать, как-то разрулить ситуацию, а она рванула за тысячи километров, неизвестно, к кому и зачем, как последняя дура! Вот если бы на новом месте у нее начались проблемы с трудоустройством, она бы просто вернулась домой, и все дела.

Но её взяли сразу, без вопросов, и это было довольно странно, потому что своим внешним видом она напоминала пьяницу, наркоманку или бомжиху, но уж никак не перспективного журналиста. Да и образования соответствующего нет, за плечами всего лишь обычная школа да пара лет работы в газете. Но главная непонятка обнаружилась через день. Оказалось, что в редакции все места давно и прочно заняты, все сферы деятельности поделены и даже имеется в наличии лишний человек, которому приходится хватать то, что попадает под руки, постоянно влезая на чужие территории, из-за чего разгораются жуткие скандалы.

Появление второго «лишнего рта» повергло журналистов редакции в состояние, близкое к буйному помешательству. Столько воплей, угроз и даже матов Ольга не слышала за всю свою жизнь. На нее даже замахивались, она в ужасе прикрывалась руками, но ударить так никто и не решился. Плюнуть бы на всё да вернуться домой... Но наемднн она успела почитать подшивку, газета ей очень понравилась, за неё стоило держаться обеими руками, а если понадобится, то и зубами.

«Ракурс» походил на её любимый «Собеседник» отсутствием надоевших до чёртиков «чернухи», «желтухи» и «порнухи», а так же всякой белиберды, которую придумывают некоторые журналисты, не умея или не желая находить интересное в окружающей действительности. В то же время – чего уж там! – «Ракурс» оказался гораздо интересней

«Собеседника», в частности, своим удивительным воинствующим бесстрашием. Никому из её бывших коллег и в голову не приходило поднять руку с пером на сильных мира сего, для газеты это было бы равносильно самоубийству – так, во всяком случае, считалось в редакции. Здесь же доставалось и мэру, и прокурору, и ведущим олигархам, и областному начальству, не говоря уже о более мелких сошках. У Ольги дух захватывало и по телу бегали мурашки...

Еще ее безмерно удивила в «Ракурсе» производственная тематика. Когда-то, очень давно, и «Собеседник» отдавал предпочтение заводам, фабрикам и прочим промышленным объектам. В период их повальной гибели газета криком исходила: опомнитесь, люди, что же вы делаете?! Куда же мы без своей промышленности?! Видимо, это был крик вопиющего в пустыне, потому что в конце концов и городская промышленность, и производственная тематика в газете почти приблизились к нулевой отметке. Правда, в городе один за одним начали подниматься мелкие частные предприятия, но материалы о них считались рекламными, за них надо было платить, новоявленным хозяевам это было ни к чему, им вполне хватало нескольких квадратных сантиметров газетной площади для небольшой рекламы.

А вот в «Ракурсе» производственная тематика занимала самое выгодное место – центральный разворот, да еще несколько мелких заметок обязательно размещалось в «новостях». Два момента просто поразили её воображение. Ока-

залось, совершенно неважно, кому принадлежит данное промышленное предприятие: государству, группе юридических лиц или конкретному «богатенькому буратинке», – оно само по себе великая ценность и заслуживает всемерной поддержки. А ещё оказалось, что о какой-то сапожной мастерской можно рассказать не менее интересно, чем о заказном убийстве.

Просматривая подшивку «Ракурса», Ольга испытала ни с чем не сравнимый восторг – и тем горше ей было ощущать на собственной шкуре таланты местных самородков. Не сумев напугать новую сотрудницу до такой степени, чтобы она добровольно и незамедлительно исчезла из редакции, они сменили тактику.

– О-о-о, серая мыша пожаловала!

– Смотрите, бледная погана!

– Тьфу, опять эти кости!

– Помоечная субстанция!

– Выгребная сущность!..

Её промокшие сапоги, подставленные к батарее для просушки, обязательно кто-нибудь брезгливо, вооружившись большим куском туалетной бумаги, двумя пальчиками носил по зданию и громко вопрошал:

– Эй, народ! Кто опять этот сифилис с помойки притащил?! Узнаю – мало не покажется!

Ольга стоически терпела. Она решила на чужую территорию не лезть, найти свою нишу. Переговорила с уличны-

ми продавцами, глубоко прониклась их нелёгкой долей и написала свою первую статью под рубрикой «Люди на обочине», потом наткнулась на бездомного пацанёнка, просочилась в Дом престарелых... Впрочем, «просочилась» – слишком громко сказано, в своём нищенском обличье она просто слилась с окружающей средой, на неё никто не обратил внимания. Статья получилась такая убойная, что Ольгу даже похвалили на планёрке. Но не успела она обрадоваться, как редактор заявил:

– Поднятая нашей газетой тема вызвала сильнейший резонанс в чиновничьих кругах, завтра в Дом престарелых отправляется компетентная независимая комиссия. Освещать ход проверки будет Лариса Николаевна Земцова.

– А почему не я? – от волнения голос перехватило. – Это же моя тема...

– Что вы там шепчете? – спросил редактор, повернувшись к Ольге лицом, на котором крупными буквами было написано: тьфу ты, мерзость какая!..

Она прокашлялась и громко повторила, стараясь не расплакаться:

– Но это же моя тема и...

– Во-первых, социальными вопросами у нас занимается Лариса Николаевна, у неё наработаны связи во всех структурах. А во-вторых... хм...

– Во-вторых, – закончил за него один из парней, – редакция не собирается распугивать порядочных людей обитате-

лями помоек.

«Зачем же тогда меня на работу взяли?» – хотела спросить Ольга, но промолчала – вдруг скажут: как взяли, так и вернём на место.

Она прекрасно понимала, что, с одной стороны, её статьи добавляют «Ракурсу» человечности, заставляют задуматься о самом главном, с другой – на одной маленькой рубрике далеко не уедешь, надо писать намного больше, чтоб реально зарабатывать, но этого ей здесь не позволят. В конце концов, измотанная безденежьем и постоянными издевательствами, она стала подумывать о возвращении домой, пока есть на что. Но тут её угораздило прочесть в газетной подшивке то, что раньше она пропускала за ненадобностью, и теперь вернуться домой она не могла.

* * *

Семь часов вечера в середине января – уже ночь. Марина бежала с автобусной остановки домой, в ужасе повторяя, как заклинание: только бы обошлось, только бы обошлось... Как прекрасно она жила до сих пор – и не ценила! Квартира – двухкомнатная, хорошая, в теплом кирпичном доме, третий этаж, балкон, а она всё ворчала: места мало! Муж – всем на зависть: не курит, не пьёт, зарплату отдаёт до копейки, спокойный, понимающий. Чего она к нему вечно цеплялась: то ей не так, это не так! Сын – очаровательный четырёхлетний бутуз, здоровенький, некапризный, а она все-

гда находила, за что его отругать и поставить в угол. А работа? Огромный торговый центр в двух автобусных остановках от дома – и деньги на транспорт тратить не надо. Отдел мужской обуви – голубая мечта многих девчонок-продавиц – достался именно ей. Марина была очень хороша собой – яркая голубоглазая блондинка с аппетитными формами, да она просто купалась в мужском внимании! Но и тут её вечно что-нибудь не устраивало! Идиотка!

Вчера какой-то парень, покрутив в руках тёплый зимний ботинок, обратился к ней:

– Девушка, у вас есть такие же, но размером...

Не договорив фразу, он уставился на Марину и остолбенел. Да ладно бы просто остолбенел, это для Марины дело обыденное. Но нет! Его взгляд пронзил насквозь, прошёлся по всему телу и все внутри заморозил. «Смотрит, как удав не кролика...» – вяло подумала она, потеряв способность двигаться и здраво мыслить. Несколько долгих секунд два каменных изваяния молча взирали друг на друга, парень вернулся в реальность первым и спросил:

– Девушка, у вас есть такие же, но размером больше?

Марина отрицательно покачала головой. Разумеется, требуемые ботинки имелись, но ни двигаться, ни говорить она всё ещё не могла. Незнакомец ещё раз пронзил ее взглядом и ушёл.

– Девушка, вам плохо? – донеслось до нее из далёкого далека. Марина с трудом повернула голову и, сфокусировав

зрение, рассмотрела рядом с собой мужчину средних лет, от него не исходило никакой опасности.

– С чего вы взяли? – старательно удивилась она.

– Ну-у-у... Вы так побледнели...

– А, это... Бывает, перепад давления, мигрень...

– Помощь не нужна?

– Спасибо, все в порядке.

Остаток рабочего дня прошёл, как обычно, она почти успокоилась, но где-то в глубине души поселился страх, даже не страх, а самый настоящий ужас. Она воспользовалась автобусом, чего раньше никогда не делала, и припустила домой со всей возможной скоростью. Ей показалось, что кто-то идёт следом, обернулась – точно, идёт. В темноте было толком не рассмотреть, но она поняла: это он. Путь от остановки до дома освещался слабо, а в одном месте не освещался вообще, и там, в крошечной тьме, вот уже три года мозолил глаза долгострой. К нему привыкли, перестали замечать, и только летом местная ребятня праздновала там жизнь.

Перед дверью своей квартиры Марина не без труда восстановила дыхание – она не хотела, чтобы муж что-то заметил. Он и не заметил, спокойно хозяйничал на кухне. Да-а, мужик у неё что надо, и сынишку из садика заберёт, и ужин приготовит, и посуду помоеет. Не ценила...

Назавтра тревога не угасла, к вечеру она разрослась до невозможности, Марина опять села на автобус, а от остановки припустила бегом, повторяя одно и то же: только бы

пронесло!..

Не пронесло. Около долгостроя ее окружили три жуткие тени, подхватили под руки и, полумёртвую от страха, утащили за забор. Крошечный фонарик слегка разогнал мрак, она видела, как мужчины расстелили на сугробе одеяло... Её положили... Один из мужиков её же руками закрыл ей рот, другой задрал юбку и стащил теплые рейтузы вместе с плавками... Взору незнакомцев открылось то, что она стеснялась показать даже мужу.

Дальнейшее она помнила смутно. Кажется, сопротивлялась, как могла... Кажется, ее изнасиловал только один, причём, как ни странно, осторожно... В себя она пришла, когда её одели, поставили на ноги и в ухо кто-то прошипел:

– Только попробуй кому-нибудь рассказать – пожалеешь...

«Удав... нелюдь... – подумала она. – Будь ты проклят, тварь!..» Как теперь с этим жить, как?! Она еле волочила ставшие чужими красивые ноги. Молчать об этом и носить в себе несмываемый позор всю жизнь – что может быть страшнее?

Следующий день прошел как в тумане, сером, промозглом, высасывающем жизненные силы. На работе её беспрестанно спрашивали о самочувствии. Она придумала и хорошенько запомнила два слова: что-то нездоровится. Выслушивала всякие советы, кивала головой или пожимала плечами, не вникая в их смысл.

Домой опять поехала на автобусе, от остановки брела медленно – на скорость не хватало ни сил, ни желания. Когда в тёмном месте её опять окружили три зловещие тени, она не очень-то и удивилась, просто сердце, сжавшись в камень, ухнуло вниз, из головы исчезли всякие мысли.

Повторился вчерашний кошмар. Но когда на снегу разложили одеяло, а на одеяле беззащитное тело, какая-то маленькая часть ее мозга все-таки ожила, Марина начала чувствовать и хоть что-то понимать. Три незнакомца действовали чётко и слаженно, не причиняя ей боли. Оголив тело жертвы, главный в шайке (Удав, нелюдь!) вдруг начал гладить её живот, низ живота, потаённое место между ногами... Она пыталась увернуться, но толку было чуть. Палец насильника постепенно проник внутрь её тела и начал там двигаться... И оно, тело, – какой ужас! – предательски откликнулось на эти движения!

Теперь она молилась только о том, чтоб остальные двое в изнасиловании участия не принимали: такого напряжения ей не выдержать. Как и вчера, после совершённого злодеяния её одели, аккуратно поставили вертикально и ненавистный голос прошипел в ухо:

– Завтра отведёшь сына в садик и придёшь на автобусную остановку рядом, в направлении на вокзал. Я буду там тебя ждать. Только попробуй не прийти – твой малыш пострадает. И не вздумай с кем-нибудь поделиться – тогда всё, конец твоим земным радостям.

А она-то наивно полагала, что хуже вчерашнего изнасилования ничего быть не может! Еще как может! Ноги отказались подчиняться, и она чуть не упала перед своими учителями, но ее заботливо поддержали, дали прийти в себя.

В четверг и пятницу у неё были выходные, завтра – четверг... Откуда этот мерзавец узнал о выходном? Что делать? И как теперь вообще жить? И ведь помощи ни у кого не попросишь... Она сделала, как ей было велено.

Назавтра, немея от ужаса и сгорая от стыда, она шла за своим мучителем по незнакомой улице в другом конце города. Это был частный сектор, на первом доме она рассмотрела табличку: «Окружная». Дом, в который ее привели, ничем не отличался от остальных.

– Запомни дорогу и номер дома, – равнодушно процедил Удав. – Будешь приезжать сюда по четвергам.

– Отпусти меня, пожалуйста, – молитвенно сложила руки Марина. – Ну зачем тебе замужняя женщина с ребёнком? Ты парень вон какой видный, лечь с тобой в постель охотниц наверняка полно, отпусти, а? Прошу тебя, умоляю...

– А зачем мне всякие охотницы? – криво ухмыльнулся парень. – Я именно тебя хочу.

– Но я-то тебя не хочу! – заплакала Марина. – Не мучай меня, пожалуйста!

– Заходи в дом и быстро раздевайся! А то я сам начну срывать с тебя вещи – как потом домой поедешь?

Обливаясь слезами, женщина подчинилась.

Они обнажались одновременно: Удав очень быстро, как в армии, а у Марины дрожали руки и ноги подкашивались в коленях.

– Быстрее! – поторапливал он. – Не зли меня!

Наконец процесс раздевания был закончен, и Марина, во все не желая этого, взглянула на обнажённое тело стоящего перед ней мужчины. Черт возьми, этот мерзавец был удивительно хорошо сложен, прямо античная статуя. Да и морда, если присмотреться, красивая. Дает же Всевышний всяким нелюдям такую внешность! Когда Марина говорила ему, что он – парень видный, она даже представить себе не могла, насколько.

Он взял её за руку и повел в маленькую комнату, где была приготовлена кровать. Стыд и ужас пригвоздили её к полу. Только сейчас ей пришло в голову, что, возможно, этому подонку мало будет одной постели, он наверняка какой-нибудь извращенец, садист, и что её, бедную, ожидает, страшно себе представить!

Поскольку рядом не было его друзей, Марина решила бороться за себя и своё достоинство до последнего, но очень быстро поняла, что подонок обладает чудовищной силой, и поостереглась его злить. Он овладел ею, предварительно подготовив, как вчера в сугробе, дождался, пока тело увлажнится. Чертовщина какая-то... Её муж, чтобы не причинять жене боли, просто пользовался вазелином. Оказывается, можно и так, без вазелина, так даже лучше... Господи,

о чем она, идиотка, думает?! Может, через минуту этот садист начнет резать её тело на куски! Сердце от ужаса выпрыгивало из груди, мозг плавился от страшных мыслей, а всё остальное тело... тело, черт возьми, наслаждалось! Хуже того! Где-то в дальнем уголке воспалённого мозга появилась совершенно дикая мысль: как хорошо! После этого и умереть не жаль...

Выйдя из неё, Удав откинулся на подушку, закрыл глаза и глубоко вздохнул. Марина тихонько поднялась, намереваясь, пока деспот отдыхает, убираться восвояси.

– Лежи.

– Так это... всё ведь уже...

– Я сказал – лежи!

Что ж поделаешь, легла... Господи, помоги мне! Не дай погибнуть! У меня же муж и маленький сын! Но не успела паника охватить всё её существо, как мягкая, тёплая, ласковая рука легла ей на живот. Марина вздрогнула, ожидая самого страшного. Рука начала ее гладить, гладить... всю... везде... очень нежно... С ума сойти! Она открыла глаза – Удав смотрел на неё огромными светло-карими, почти рыжими глазами, в них плескалось что-то совсем непонятное, сильное, страстное, завораживающее... Потом он начал её целовать, всю её, везде и даже там, где нормальные люди никогда... Силы её оставили, глаза сами собой закрылись, дышалось с трудом... Она ничего не понимала и не хотела понимать. Мыслей вообще никаких не было, одно дикое,

нестерпимое наслаждение, она услышала стоны, свои стоны, очень удивилась, потому что никогда в постели не стонала, тут же об этом забыла и, почувствовав, что её тело просто разрывает от неизведанного доселе желания, закричала:

– Не могу больше, не могу! Возьми меня скорее!..

Она была готова на всё, лишь бы он вошел в неё, и когда это наконец произошло, опять застонала, всё громче, громче и даже что-то говорила, что-то совсем бесстыдное и непотребное, но никакого стыда не было... Что-то взорвалось внутри... Душа отсоединилась от тела... Боже, как хорошо! Да, за это можно умереть – ни о чём не задумываясь, ни на что не оглядываясь, ничего больше не желая.

Она долго приходила в себя. Наконец в затуманенном мозгу появился просвет, и Марина сделала удивительное открытие: её замечательный муж, непьющий и некурящий, хозяйственный и заботливый, практически идеальный, – этот муж как любовник – полный ноль. Он был у неё первым и единственным, вполне её устраивал, сравнить было не с кем, всякие рассказы о любовных утехах она считала ерундой и вымыслом. Она даже представить себе не могла, каким бывает настоящий секс! Марине стало грустно и обидно. Муж в постели не делал и тысячной доли из того, что ей сейчас довелось познать. Единственное, на что его хватало, это немного помять груди. Грудь... Какой-то незнакомый подонок, извращенец, бандит гладит их и целует, как величайшую в мире драгоценность, а уж если разминает, так

от его ласк теряешь рассудок и только одно бьётся во всём теле: хочу!!! А родной муж... Эх, да что там говорить! Болото!

Она чуть с ума не сошла от радости, когда горячие руки мерзавца вновь принялись ее ласкать. Он довел ее до сумасшествия, она и стонала, и плакала, и кричала, и умоляла войти в неё, но он не спешил, и чтобы не умереть от неудовлетворённости, ей самой пришлось проявлять инициативу, гладить его и целовать во все места...

– Будешь приходить ко мне каждый четверг, – сухо заявил он, отдохнув минут пять. – Сообщать об этом кому-нибудь или отлынивать не советую, я на всё способен.

И Марина стала любовницей какого-то отморозка, о котором знала не так уж и много: домашний адрес и придуманную ею же кличку – Удав.

* * *

– Папа, это что такое?

– Это, сынок, гантели.

– А как в них играют?

– Гантели не игрушки. Человек берёт их в руки и делает всякие упражнения, чтобы быть сильным, крепким, выносливым.

– Папа, купи гантели!

– Мал еще.

– Купи-и-и!..

– Пойдем-ка лучше в отдел игрушек, я видел там шикарный грузовик.

– Не хочу грузовик, хочу гантели!

– Не хочешь грузовик – присмотрим что-нибудь другое, там всякого добра полно.

– Не хочу всякого добра, хочу гантели! Па-а-ап!

В отделе начал собираться народ.

– Ты меня перед людьми-то не позорь! Я же сказал: подрасти сначала!

– А-а-а!..

– Сколько лет вашему сыну? – улыбнулась продавщица.

– Три с половиной.

– У нас есть крошечные гантельки, их рекомендуют с пятилетнего возраста, но раз уж такое дело...

– Папа-а-а! – заорал Димка с удвоенной силой. – Купи крошечные гантельки!

Пришлось Алексею покупать две пары гантелей: и сыну, и себе. Хотя ему железа и на работе хватало, но показывать сыну упражнения с маленькими гантельками в руках было ниже его достоинства.

С тех пор любимым занятием добра молодца Димы стали упражнения с гантелями, причем на его хорошенькой мордашке появлялось такое зверское выражение, что родители покатывались со смеху.

– Настоящий мужик растёт! – умилялся отец.

Рядом с Димкой подрастала сестрѐнка-погодок Оленька.

Уже сейчас было видно, что вырастет из неё красавица, очаровательное существо, нежное, немножко кокетливое, романтичное.

– Настоящая женщина растёт! – радовалась мать.

Всё шло прекрасно, пока Димкина воспитательница не огорошила ее сообщением:

– Ваш сын побил Ваню Денисова. Прошу принять меры.

Перепуганная Светлана уставилась на сына;

– Дима! Как же это? Как ты мог?!

– Он девочек обижал.

– Можно было словами все объяснить, что ж сразу руки распускать?!

– Я ему говорил, говорил, а он всё равно обижал!

Сын нисколько не чувствовал себя виноватым, и это Светлану насторожило. Она присела перед сыном на скамейку, взяла его ручки в свои, заглянула в глаза:

– Смотри, что получается. Ваня обижал девочек, которые гораздо слабее его и не могут себя защитить. Разве это хорошо? Нет, конечно, это очень, очень плохо! Обижать более слабого – ужасно. Согласен? (Димка кивнул головой) Ну вот, согласен. Но ты сам побил Ваню, который намного слабее тебя! То есть, ты сделал то же самое, что и Ваня: обидел более слабого, и это – ужасно! Так чем ты лучше Вани?

Димка извинился перед Ваней, всем вокруг пообещал больше так не делать, и на этом инцидент был исчерпан. Однако, не прошло и месяца, как Светлану вызвала к себе заве-

дующая детским садом: Димка побил мальчика из старшей группы! На негодующие восклицания матери и заведующей четырёхлетний карапуз ответил:

– А чего он на прогулке всех толкает? Дети падают, им больно, а он смеётся. Я маленьких и слабых не трогаю, этот придурок из старшей группы сильнее меня!

– Так надо было подойти к воспитательнице и всё ей объяснить, а не в драку лезть! – раздраженно бросила заведующая.

Димка изумленно взглянул на злую тетю:

– А воспитательница и сама всё видела.

Ну что на это скажешь? С Димки в очередной раз взяли слово, что больше он драться не будет.

Встревоженная Светлана поделилась своими сомнениями с мужем.

– Да чего вы к парню пристали? – удивился Алексей. – Защищать слабых – это ли не дело для настоящих мужчин?

– Он когда-нибудь нарвётся! – угрюмо процедила жена.

– И что теперь? Бояться всю жизнь? Кстати, трусам приходится не слаще, чем смелым.

Больше в детском саду ничего подобного не происходило. На выпускном утреннике Светлана похвасталась воспитательнице:

– Всё-таки мой сын – человек понимающий! За два с половиной года – ни одной драки!

Воспитательница посмотрела на мать странным взглядом

и пожала плечами:

– А может, его просто все боялись и не хотели связываться?

* * *

К школе отец преподнес Димке в подарок почти настоящие гантели, а над дверью прибил палку-турник. Светлана не сопротивлялась: спорт – это хорошо. Но в первую же свою школьную неделю сын избил третьеклассника, который отбирал у малышей деньги. Она не на шутку встревожилась, посадила сына перед собой, взяла его маленькие ручонки в свои и заглянула в глаза, как когда-то в детском саду.

– Сынок! – начала она как можно задушевнее. – Это, конечно, очень хорошо – защищать слабых, но ты ещё очень маленький. А что если этот третьеклассник приведёт пятиклассника или даже десятиклассника, чтоб тебе отомстить? Ты же с ними не справишься!

– Пусть попробует, – спокойно и жёстко ответил сын.

Она призвала на помощь всю свою выдержку, знания по психологии, она очень старалась объяснить сыну его нелепое и рискованное поведение, рисовала самые страшные картины и наконец добилась того, чтобы он выдал из себя: всё, больше не буду! Но ребёнок был глубоко несчастен! Светлана бросилась к мужу:

– Знаешь, Алёша, у меня такое впечатление, что защита слабых для нашего Димки – всего лишь предлог, на самом

деле ему просто хочется драться. Сделай что-нибудь!

Алексей отвел сына в детскую секцию каратэ, а жену предупредил:

– Ты бы, Света, не делала из мухи слона! Растет нормальный мужик, сильный, смелый, справедливый, а тебе всё неймётся! Ты хочешь видеть его слонтяем? Не лезь к нему со своими бабскими штучками, ты ему только психику ломаешь!

Потянулись относительно счастливые годы. Дети особых хлопот родителям не доставляли, учились хорошо, от домашних дел не отлынивали, с дурными компаниями не связывались, рано научились себя обихаживать. Родителей иногда целый день не было дома. Оба преподавали в педагогическом институте: Светлана – русскую литературу 18—19 веков, а Алексей – физическую культуру. За детей они были спокойны.

Идиллия закончилась, когда Димка учился в девятом классе.

После родительского собрания его классная руководительница попросила Светлану остаться. «О боже! Начинается!» – подумала она и не ошиблась.

– Светлана Семёновна, – начала классная, – я очень уважаю и вас, и вашего мужа, поэтому не хотела говорить в присутствии других родителей. Понимаете, с вашим сыном происходит что-то неладное: он всё время лезет драться! Причём я узнала об этом недавно и совершенно случайно, пото-

му что никто на него не жалуется, все боятся. Он запугал даже десятиклассников, а среди них немало спортсменов-рядников. Неделю назад избил одного десятиклассника с такой жестокостью, что мальчик оказался в больнице! В чём-то он был виноват, ребята не говорят, в чём именно, но, простите, разве Дима – судья? Или палач на окладе? Кто дал ему право вершить самосуд? И вообще, у меня сложилось впечатление, что драка для Димы – самоцель, а повод он всегда найдёт. Добром это не кончится, уверяю вас!

Несчастливая мать с трудом пришла в себя и, сдерживая слёзы, обратилась к классному руководителю:

– Валентина Тарасовна, миленькая, не могли бы вы то же самое сказать моему мужу? Алёша – замечательный человек и хороший отец, но... иногда он такой наивный! Надеюсь, к вашим словам он отнесётся куда серьёзнее, чем к моим!

Через день вызванный в школу Алексей вернулся мрачнее тучи. Он бросился к сыну, схватил его за грудки и захрипел тому в лицо:

– Что ж ты творишь, сынок, мать твою!!! Да я тебя...

Договорить он не успел, приподнялся над полом и улетел на диван.

– Ш-ш-то... т-т-ты... Меня?! Ты?!!

Димка безмятежно пожал плечами:

– Я могу за себя постоять, отец.

Но тут к нему подскочила мать. Парень обомлел... Его мама! Такая вся худенькая, нежная, воздушная! Такая ра-

нимая, беззащитная, воспитанная на бессмертным произведениях Толстого, Достоевского и иже с ними! Такая похожая на прекрасный оранжерейный цветок! Сейчас она больше напоминала разъярённого зверя, от которого нет спасения.

– Ты на кого руку поднял, тварррь! – прорычала она и залепила сыну такую пощёчину, что он свалился на пол. Потом подошла к мужу, тронула его за плечо: – Пойдём, Алеша, в спальню. Здесь дурно пахнет.

Они ушли, а Димка остался сидеть на полу, соображая, что такое произошло с родителями. Ведь он, их сын, ничего плохого не делал, наоборот, всегда защищал слабых, наказывал подлецов, восстанавливал справедливость.

Из своей комнаты вышла сестра и присела на корточки около Димки:

- Что, братик, невесело тебе?
- Отвали...
- Чуть позже. Вот ты скажи, я страшная?
- Чего?!
- Скажи, я страшная? Уродина? Может, кривая, косая?
- Ты чего, совсем того?..
- Нет, ты мне ответь, на меня страшно смотреть, да?
- Да что ты несёшь-то? Сама прекрасно знаешь, что ты одна из самых красивых девчонок школы...
- В самом деле? А почему тогда никто из мальчишек со мной дружить не хочет?

– Да я-то почём знаю?

– В нашем классе все девчонки с мальчиками дружат, даже конопатая Гуськова, даже кривоногая Матвейченко! У всех есть свой парень, и только у меня никого нет! А когда на дискотеке я подхожу к кому-то из мальчишек, он тут же убегает! Может, я заразная какая? Прокажённая?

– Олька, да ты чего... Ты лучше всех, правда...

– Тогда почему всё так складывается? Я скажу тебе, если ты сам ничего не понимаешь! Да потому, что у меня брат – терминатор! Потому что он – чудовище и его все боятся!!! Ты... ты...

Оля горько заплакала, и он чуть было не расплакался вместе с ней. Из спальни вышла бледная, как стенка, мама.

– Кому ты, доченька, пытаешься что-то объяснить? У него же вместо сердца – обычный придорожный булыжник. Пойдём к нам.

Димка остался совсем один. Слова любимой сестрёнки, её слёзы добрались до того кусочка его тела, который мама посчитала обычным булыжником. Булыжник ворохнулся и заболел. Димка впервые в жизни призадумался.

* * *

Несколько дней он ходил по школе, высматривая подходящую ситуацию. Наконец, ему повезло: трое десятиклассников зажали в углу четвёртого и измывались над ним, как хотели. Это был спокойный, тихий, какой-то беспомощный

пацан, таких обычно назначают мальчишками для битвы. Он имел вполне нормальный внешний вид, да и учился неплохо, и Димка никак не мог понять, почему тот опустил ниже плинтуса. Защищать такого лопуха было противно, но ситуация с сестрой требовала поступиться своими принципами.

Димка подошел к живописной группе и спросил:

– Что, как всегда, трое на одного?

– Привет, Краб! – разулыбалась троица. – Присоединяйся, будешь четвёртым!

– А ведь это не по-мужски – трое на одного!

– Да ты чего, Краб? Это же Копя-Жопа, не узнал?

– Саша Копылов нравится моей сестре. И если хоть кто-нибудь...

Троица резво отскочила от Сашки и заголосила:

– Прости, Краб! Мы же не знали! Мы бы никогда!.. Мы бы ни за что!..

– Я предупредил, – подвел черту Димка и с достоинством удалился.

Назавтра он пришел в школу пораньше – хотелось посмотреть, не произойдет ли чего-нибудь интересного. Вскоре появился высокий симпатичный юноша, не без труда Димка узнал в нём запуганного Копылова. На Сашке красовался новый пуловер, который очень ему шёл, модная стрижка, отутюженные брюки и невообразимо замечательная сумка завершали образ настоящего денди. Впрочем, нет, образ денди завершали глаза, из которых исчезли вечная мука и покор-

ность злой судьбе, теперь это были глаза победителя. Оставив в раздевалке куртку, красавчик подошёл к зеркалу и элегантно движением руки поправил причёску.

Школьного народу прибавлялось, и многие, особенно девочки, с удивлением разглядывали «незнакомца». Наконец, кто-то догадался:

– Сашка, это ты, что ли? Ничего себе!

Одноклассники подходили к нему с подобострастной улыбкой, хлопали по плечу, отпускали комплименты, искоса поглядывая в Димкину сторону. Но вот и главная виновница торжества прибыла, она тоже обратила внимание на парня, который возвышался в центре фойе, как новогодняя ёлка.

Димка наблюдал с утроенным вниманием. Вот Оленька приближается к Сашке, на лице – удивление: как это, она подходит, а парень стоит спокойно на месте и не убегает! Так, уже кое-что. Озадаченная сестрёнка сбегала быстренько в раздевалку и вернулась в центр фойе. Бедная, бедная Олька! На её милом личике и недоверие, и надежда, и страх, и опять надежда: а вдруг! Димке стало не по себе. Ну, Копылов! Только попробуй Ольгу проигнорировать! Только попробуй, овца, не уделить ей внимания! Ага, похоже, уделил – Оленька расцвела, как маков цвет! Такой счастливой Димка свою сестру никогда не видел.

– Оля, ты самая красивая девочка в нашей школе! – вполне искренне восхитился Сашка.

– Спасибо, – тихонько ответила девочка, и голос ее со-

рвался.

На переменах Димка усердно следил за развитием событий – все шло по плану. Сашка и Оля после каждого урока бросались друг к другу, как голодные, и, освещая школу своим сиянием, без конца о чём-то говорили.

Теперь Димке надо было увидеть, что и как получится дома. Но у него в тот день было шесть уроков, а у сестры пять, и насладиться ее триумфальным появлением в семье не представлялось возможным. Однако, придя домой, он не обнаружил никого. Ладно, родители на работе, а сестра где? Школьной сумки нет – значит, домой она не приходила, наверное, с Сашкой гуляет. Прошел час, другой, третий... Вот и мама пришла с работы, позвала дочь... У Димки ничего спрашивать не стала – вот уже больше недели с ним никто дома не разговаривает. Он всерьёз забеспокоился и проклял тот день, когда ему пришлось в голову устроить сестрёнке личную жизнь.

Она пришла вечером и своим счастливым визгом заглушила все родительские претензии. Бросилась кружить маму, потом повисла на отце, ругать её было бессмысленно. С того момента основной темой разговоров в семье был Саша Копылов. «Великий комбинатор» Дмитрий Алексеевич Крабник остался собой весьма доволен.

Глава 2

В целях экономии электроэнергии Ольга ложилась спать рано, но не засыпала, а работала: придумывала новые темы для своих статей, составляла тексты, чтобы на следующий день быстро изложить их на бумаге – к редакционным компьютерам её не подпускали. Выполнив намеченный план, она оглядывалась назад, в прошлое, пытаясь понять, почему так всё складывалось.

Самые яркие воспоминания раннего детства: какой у неё замечательный брат и какая сама она жуткая дура. Брата она любила гораздо больше, чем маму и папу, вместе взятых. Дети жили в маленькой комнате, а родители – в большой, которая считалась залом. Забравшись на верх двухъярусной кровати (её личное пространство), Оля, затаив дыхание, смотрела, как брат одевается, ходит, играет... Представляла себе картины, как бросается ему на выручку в случае опасности, как он удивляется её смелости и горячо благодарит. Обязательно надо было его спасать, потому что просто так он на неё внимания не обращал.

Да это и понятно: все вокруг знали, что Оля Портич – дура. Выяснилось это в детском садике. Воспитательницей у них была толстая, черноволосая, усатая тетя, имени её Оля никак не могла запомнить, отвечать ей на занятиях, хорошо выполнять задания она тоже не могла. Воспитательница на-

жаловалась маме, и та отшлёпала дочку, приговаривая:

– Почему на занятиях в садике ничего не делаешь, отвечай! Почему молчишь, как истукан?! Скажи матери хоть что-нибудь, дура!

Но девочка ничего сказать не могла, потому что не знала... Если б знала, она бы, может, и не молчала, может, она бы не хуже других работала!..

Мама несколько раз приходила в садик (он находился рядом с домом, и Олю не надо было водить туда за ручку), встречалась с разными тётями, и все говорили о какой-то спецшколе. Оля поняла: ей не место среди нормальных детей, но ни в какую спецшколу она не хотела, боялась.

Неизвестно, чем бы дело закончилось, но, когда Оля перешла в старшую группу, чёрная усатая тётя куда-то исчезла, а на её место пришла молодая, хорошенькая Юлия Григорьевна. Новая воспитательница очень понравилась Оле, захотелось научиться все делать так, чтобы она была девочкой довольна.

В первый же день Юлия Григорьевна вызвала её «к доске». Не успела она дать Оле задание, как ребята загалдели:

– Юлия Григорьевна, вы Олю не вызывайте, она ничего не знает!..

– Она всегда молчит!..

– Она ничего не понимает и не умеет!..

– Оля Портич – дура!

Она и сама очень хорошо знала, что дура, и на детей

не обижалась. Но... Милая, красивая, лучшая на свете Юлия Григорьевна!... Что она об Оле подумает?! Уж перед ней-то девочка ни за что не хотела выглядеть душой! Она жжалась в комочек и приготовилась... умирать. А что ещё оставалось?

Но тут воспитательница положила ей руку на голову, слегка погладила и сказала:

– Оля, посмотри внимательно на детей и скажи, кто из них самый красивый.

Задание было странное, но интересное. Оля оглядела группу и ответила:

– Самые красивые Яна Незванова и Лика Шершнёва. (Яна была жуткой задавакой, а Лика – такой же жуткой ябедой, но ведь об этом никто не спрашивал.) А мальчиков можно назвать?

– Обязательно! – улыбнулась воспитательница.

– Самые красивые Серёжа Першин и Серёжа Гладких.

– Дети, давайте похлопаем Яне, Лике и двум Серёжам за то, что они такие красивые! – Ребята похлопали. – А теперь, Оленька, скажи, кто в группе самый умный.

– Самый умный Сережа Першин. Он и самый красивый, и самый умный – можно так сказать?

– Конечно. А есть в группе еще самые умные?

– Есть. Самые умные Олеся Клянт и Владик Зоркин. А еще Владик лепит из пластилина таких зверей, что их хочется погладить и покормить, потому что они как живые!

Можно было об этом говорить?

– Не только можно, но и нужно. Дети, давайте похлопаем Серёже, Олесе и Владику за то, что они умные и талантливые!

Потом по просьбе Юлии Григорьевны Оля назвала самых добрых, самых сильных, самых весёлых, ещё кого-то... Всем похлопали. Наконец, осталось трое, о которых совсем нечего было сказать. Они чуть не плакали, Оле было очень их жаль, она поднапрягла свои мыслительные способности:

– Юлия Григорьевна, а вот если человек совсем не зазнаётся, не хвастается – это как называется?

– Это значит человек – скромный.

– А это хорошо?

– Конечно. Скромность украшает человека.

– Можно я назову самых скромных?

И Ольга назвала троих оставшихся детей, и им тоже похлопали, и они сидели довольные и счастливые.

– Ну вот, дети! – торжественно произнесла Юлия Григорьевна. – Оля Портич очень хорошо рассказала мне, какая замечательная у нас группа, сколько красивых, умных, талантливых, добрых, скромных детей сейчас сидит передо мной. А теперь давайте расскажем и о самой Оле Портич.

И всё. Праздник кончился, свет померк, жить стало незачем. Но ребята молчали.

– Ну, что же вы? Кто самый смелый?

Первым руку поднял «самый сильный» Вовка Зуйков, ко-

торый нередко обижал одноклассников, в том числе и Ольгу.

– Оля Портич никогда не ябедничает, не то что некоторые... – и он презрительно посмотрел на красавицу Лику Шершнёву. Вслед за ним потянули руки и другие ребята:

– Оля никогда никого не обижает, значит, она добрая.

– Она не балуется.

– Она... красивая.

– Оля Портич совсем не дура, мы... плохо о ней говорили, потому что не знали... Оля, прости нас! – это сказал «самый красивый и умный» Сережа Першин, и все с ним согласились.

Весь день Оля из кожи лезла, чтобы быть не хуже других, получалось не всегда, но Юлия Григорьевна всё равно ее хвалила – за то, что так старается. Домой она летела на крыльях.

– Мама! – закричала она с порога. – Сегодня дети сказали, что я добрая, красивая и вовсе не дура! А Юлия Григорьевна меня всё время хвалила!

Мама повернула от плиты лицо, которое ничего не выражало:

– Хорошо. Старайся дальше.

Оля бросилась к брату:

– Мишка! Ты знаешь...

– Отвяжись, – буркнул любимый брат.

Она лихорадочно переоделась, забралась к себе на верхний ярус кровати, посадила перед собой куклу Катю и плюшевого медвежонка Мишу – это были её верные друзья –

и всё-всё им рассказала. А потом ещё раз, в деталях, в подробностях, смакуя каждый момент этого счастливого дня. Кукла Катя и медвежонок Миша слушали её внимательно, не перебивая, не сомневаясь, не унижая. Они за неё очень радовались!

* * *

Сейчас, лёжа на жёсткой кровати на съёмной квартире в чужом городе, Ольга задавала себе непростой вопрос: как же так? До сих пор ей и в голову не приходило, что у них в семье не всё ладно. Ну да, у Мишки (или Медведя, как в шутку называли брата) было много игрушек, а у неё только кукла Катя и медвежонок Миша – ну так и что? Это же – брат, самый замечательный на свете! Любимый Медведь! Конечно, у него должно быть самое лучшее! Её несколько не удивляло и не обижало то, что Медведю купили настоящий письменный стол, а она писала и рисовала у себя на верхнем ярусе кровати, для чего принесла от мусорного контейнера красивую квадратную дощечку, а потом ещё одну. Ей там, в своём уголке, было вполне комфортно.

Когда все садились смотреть телевизор, папа, мама и Медведь размещались вольготно на диване, а она, Оля, рядом с диваном на полу. Это был её второй личный уголок, и чувствовала она там себя хозяйкой. Она всегда довольствовалась тем, что есть, и никогда ни о чём родителей не просила. Ах, нет, было пару раз. Что она просила у мамы, из памяти

выветрилось, но ответ она помнила хорошо: мы небогатые и не можем себе этого позволить. Естественно, если в семье появлялись какие-то возможности, всё доставалось Медведю, а как же иначе?

Ольга и сейчас, вспоминая своё детство и отрочество, ни за что бы не подумала, что её положение в семье было по меньшей мере странным, но её угораздило прочитать в «Ракурсе» то, что она до сих пор пропускала за ненужностью, а именно «Факультет родительской любви». Оказалось, что в семье нельзя делать различия между детьми, любовь к одному и нелюбовь к другому, если они всё же есть, надо всеми силами скрывать, а ещё лучше – пересмотреть свою позицию. У каждого ребёнка должен быть стол для занятий (настоящий, а не дощечка на верхнем ярусе кровати) – это вообще независимо от любви. Но самое главное – с ребёнком надо заниматься! Петь ему колыбельные, рассказывать сказки, беседовать на разные темы, знакомить с окружающим миром, готовить к школе, наконец! Сначала Ольга легко оправдывала свою маму, которая ничего этого не делала – она же просто ничего не знала, ведь в местных газетах не было «Факультета родительской любви»!

Но, вспоминая детали своей жизни в родной семье, она поняла, насколько это оправдание смехотворно, и в конце концов пришла к выводу: Оля для мамы, папы и Медведя была лишним, совершенно ненужным элементом, даже чужеродным, от которого было бы счастьем избавиться.

И как теперь вернуться домой? Увы, никак.

* * *

Вот в школе ей крупно повезло. Правда, в первом классе без Юлии Григорьевны она здорово запаниковала и быстро потеряла веру в свои силы, в начальных классах училась преимущественно на тройки, четвёрки были редкостью. Зато в пятом классе по каждому предмету у них были разные учителя, и Оля сразу влюбилась в учительницу по русскому языку и литературе Марию Михайловну. Она была старенькая, седая, добрая и очень интересно вела уроки. Именно по её предметам Оля получила свои первые пятерки. Вспомнился тот день, когда она, получив самую первую пятерку, прибежала домой и, задыхаясь от счастья, закричала:

– Мама, мама! Ты не поверишь! У меня пятёрка!!!

Мама оторвалась от телевизора.

– Зачем так кричать? Пятёрку она получила! Старалась бы – вообще на одни пятёрки училась, – и снова уткнулась в экран.

Тогда Оля впервые обиделась на маму, но ничего говорить не стала, а вскоре вообще об этом забыла. У неё, можно сказать, началась новая жизнь, потому что Мария Михайловна всегда была рядом, даже тогда, когда её вообще в школе не было. Кажется, это называется эффектом присутствия. Всё чаще Оля по русскому и литературе получала пятёрки, научилась говорить громко, чётко, уверенно, появились от-

личные оценки и по другим предметам.

В седьмом классе она стала «зарабатывать». Как-то Мария Михайловна попросила её:

– Ты, Оленька, не могла бы помочь мне проверять тетрадки, а то глаза что-то разболелись.

– А я разве смогу?

– Научу. У тебя, девочка, врождённая грамотность и отличное чувство слова. Сможешь остаться сегодня после уроков?

С этим у Оли проблем вообще не было, потому что дома её никто не ждал. Разумеется, она согласилась помогать любимой учительнице, причём с великой радостью. После уроков они находили свободный кабинет или шли в библиотеку, а после «работы» – в школьную столовую. Учительница расплачивалась с помощницей вкусными обедами, а иногда даже покупала фруктинку: яблоко, банан или апельсин. Так вкусно Ольга не ела с детского сада.

В десятом классе у них было сочинение на свободную тему: о чём я хочу сказать людям. Оля хотела бы рассказать о Марии Михайловне, но постеснялась и написала о сибирской зиме. Нечто скромненькое, без претензий. Каково же было её удивление, когда учительница посоветовала ей отнести сочинение в газету! Оля пришла в редакцию «Собеседника» и честно призналась, что принесла своё школьное сочинение. Редактор взял, прочитал, чему-то удивился и предложил:

– Я сейчас выйду на пятнадцать минут, а ты посмотри в окно и напиши, что ты там увидела.

Ольга выглянула в окно – там три бездомных собаки носились друг за дружкой. Она добросовестно написала о собаках. Вернувшийся редактор внимательно прочел ее опус из пяти предложений, немного подумал и сказал то, чего она никак не ожидала услышать:

– Мы поставим твою «зиму» в ближайший номер, позже получишь гонорар. Он, конечно, копеечный, но за удачное начало считаться может. Хочешь поработать у нас внештатным корреспондентом?

– Я?! – удивлению Оли не было границ. – Но... это... я же ещё учусь... и... это...

– У нас немало внештатных корреспондентов среди школьников, но признаться, ты со своими собаками их всех переплюнула. Соглашайся, не пожалеешь!

Она согласилась и не пожалела. Впервые в жизни у нее появились свои деньги. На первый гонорар она купила мороженое и большую шоколадку, мороженое съела сама, прямо на улице, хотя стоял довольно морозный день, а шоколадку отнесла домой к чаю.

Летом Оле предложили поработать в редакции по-настоящему. «Собеседник» сделал ей настоящий подарок. Обычно журналисты, уходя в отпуск, сдают несколько статей про запас, в результате они и отпускные получают, и гонорар за напечатанные вещи. Но на этот раз, сдав по несколько статей

перед отпуском, они единогласно решили: ставить в газету в первую очередь работы Ольги Портич, пусть ребёнок подзаработает, а свои – уже как получится.

Всё лето Ольга моталась по городу – коллеги подкинули ей немало тем – и писала, писала, писала... Заработала она неплохо, купила себе джинсы, кроссовки и босоножки, Марии Михайловне – редкой красоты стеклянного лебедя, а остальные деньги отдала матери.

* * *

К тому времени народу в семье значительно прибавилось. Вернулся из армии Медведь, за несколько месяцев отдохнул от ратных трудов и, не успев устроиться на работу, привёл домой невесту. Тут же сыграли скромную свадьбу, потому что невеста оказалась беременна, и зажили все вместе. Оле пришлось переместиться из маленькой комнаты в большую, к родителям, ей купили раскладушку, которую на день убирали, у нее теперь не было своего уголка, делать уроки и писать статьи приходилось на кухне.

Но Оля не унывала – уж очень ей понравилась жена брата. Впрочем, понравилась она всей семье, мама сразу стала называть её дочкой. Оля немножко удивилась: её-то саму родители дочкой никогда не называли. Но тут же нашла объяснение: Ирочка-Ириска из детдома, родительской ласки она никогда не знала, к тому же она такая лапочка! Вся какая-то солнечная, радостная, тёплая...

– Надо же! – удивлялись родители. – В детдоме – и такое чудо выросло!

Но больше всех появлению Ириски радовалась Оля, потому что девушка заявила ей в первые же минуты знакомства:

– Я всегда так мечтала о сестре! Ты будешь моей любимой сестрёнкой, ладно?

И это не были пустые слова, Ириска – единственная из всей семьи – улыбалась ей, заботилась, расспрашивала о школьных делах. Она зорко следила за тем, чтобы в определённые часы кухонный стол был свободен и чист – для Оли!

Видно, в детдоме не очень добросовестные люди работали, потому что Ириска ничего не умела, маме пришлось обучать её буквально всему, вплоть до того, как правильно пользоваться веником. Но постепенно невестка стала довольно сносной хозяйкой и взяла на себя все домашние дела. Только в последний месяц беременности ей помогали мама и Оля.

Ириска после детдома и оконченной школы так и не получила никакой специальности, на работу она не стала устраиваться, да никто и не требовал, всех устраивало её положение домашней хозяйки. Медведь перебивался случайными заработками, мама работала в школе завхозом и получала не так уж и много. Основной доход семьи составляла папина зарплата – он трудился на мебельной фабрике и считался одним из лучших специалистов. Но фабрика, как и многие другие предприятия города, закрылась, а другой работы он долго найти не мог. Да тут еще и Ириска родила, при-

чем двух здоровеньких пацанят, Ольга назвала их Олежкой и Игорьком – с полного согласия молодой мамы. Все оставшиеся в семье деньги пошли на двойняшек.

Можно сказать, «Собеседник», предоставив Ольге возможность летнего заработка, спас Портичей от голода. В одиннадцатом – выпускном! – классе она продолжала работать в газете, под вечер валилась с ног от усталости, но себе, кроме трех летних обновок, так ничего и не купила. Родители и брат воспринимали это как должное, только Ириска не уставала благодарить и от обедов всегда оставляла ей порцию.

* * *

Первого сентября, в отличие от остальных одиннадцатиклассниц, ей пришлось вырядиться в джинсы с кроссовками: это были её единственные приличные вещи. Зато в школьной сумке у неё лежали подарки для Марии Михайловны: чудесный стеклянный лебедь и номер «Собеседника» с её статьей «Любимая учительница» – летом Оля все-таки собралась с духом и рассказала миру об удивительном человеке по имени Мария Михайловна.

Школьный двор пестрел белыми фартуками и блузками, праздничными костюмами, букетами цветов, шарами, флажками, гирляндами... Гремела музыка. Оля глазами выискивала среди этого великолепия Марию Михайловну – и не находила. Она выбралась из толпы одноклассников и добросо-

вестно прочесала школьный двор вдоль и поперек, но любимой учительницы нигде не было. Тогда она обратилась к классной руководительнице:

– Людмила Геннадьевна, не подскажете, где может находиться Мария Михайловна? Что-то я её найти не могу.

– Разве ты не знаешь? – удивленно вскинула брови классная. – Ты же... статью про неё писала!

– А при чём здесь моя статья?

– Так она вышла через три дня после того, как мы Марию Михайловну похоронили. Я полагала, это было что-то вроде некролога...

– Т-т-то есть, к-к-как п-похоронили? З-зачем?

– Оля, приди в себя! Зачем мёртвых хоронят?

Она пришла в себя в школьном медпункте. Около неё стояли какие-то люди, она не стала разбираться, кто это.

– Что с Марией Михайловной? – единственный вопрос, который ее мучил.

– Так умерла наша Мария Михайловна, летом ещё.

– Почему?!

– Старенькая она была, болела сильно. Сердце остановилось.

– Где её похоронили?

– На втором кладбище, под самой большой берёзой.

– Где это второе кладбище?

– На третьем маршруте в сторону китайского рынка до конечной, там ещё пару километров по прямой и за железной

дорогой направо.

Денег на автобус у нее не было, пришлось идти пешком. Она нашла кладбище и могилу с простым деревянным крестом, на котором не было даже фотографии, только надпись: «Лукошина Мария Михайловна, 1935—2007». Цветы на могиле успели засохнуть, венки – почернеть.

– Здравствуйте, Мария Михайловна, – глотая слезы, прошептала Оля. – Родная моя, самая любимая учительница! Зачем же вы ушли, бросили меня одну?!

Она прорыдала на могиле, наверное, часа два, что-то говорила, на что-то жаловалась, потом вспомнила:

– Ой, Мария Михайловна, я же вам подарки принесла. Смотрите, какой красивый лебедь! Вам нравится? А вот статья, которую я летом про вас написала. Давайте прочитаю...

Давясь слезами, она прочла статью, потом убрала с могилы венки и цветы и взялась рыть ямку для подарков. Земля успела осесть и поддавалась плохо. Ольга поискала вокруг палочку, нашла прутик и расковыряла-таки землю. Аккуратно уложила в ямку подарки, засыпала землёй, вернула на место венки.

– Ну вот, Мария Михайловна, не забывайте меня, пожалуйста. Пусть на том свете у Вас не будет никакого горя, никаких страданий, а окружают Вас только очень добрые люди – такие, как Вы сама. До свидания, я буду Вас навещать...

Домой она попала только вечером. Мать, увидев её, такую чумазую, растрёпанную, в грязной одежде, обомлела

на несколько секунд, а потом закричала:

– Это ещё что такое?!?! Ты где шлялась, убогая?! Быстро отвечай, стерва такая!

На крик выбежала Ириска, отодвинула разгневанную женщину в сторону и обняла Олю:

– Что случилось, сестрёнка?

Ольга громко, безутешно разрыдалась у неё на плече.

– Та-а-к! Изнасиловали дуру! – констатировала мать – Шляется целыми днями где ни попадя, бестолочь!

– Подождите, мама, – остановила ее Ириска. – Оленька, успокойся, я рядом. Что случилось-то?

– Мария Михайловна умерла-а-а!

– Что это ещё за Мария Михайловна такая? – удивилась мама.

– Любимая Олина учительница.

– Тю! Нашла о чём рыдать! Все там рано или поздно будем! А в земле вся почему?

– На кладбище ходила.

Потом она рассказала Ириске, как рыла ямку для подарков, – больше никому такие детали не были интересны.

Глава 3

Марина часто просыпалась по ночам от его нежности – ощущение того, что Удав рядом и ласкает её, было полным. Она даже рот ладонью прикрывала, чтобы не закричать от вожделения. Рядом спокойно похрапывал муж. Муж... объелся груш! В моменты интимной близости её так и подмывало попросить его, чтобы он хоть как-то разнообразил свой секс, а то ведь скука смертная! Теперь-то она хорошо знала, что может вытворять мужчина, и могла научить Илью ого-го чему! Разумеется, она терпела молча – для мужа её знания могли закончиться инфарктом.

Она ждала четвергов, как праздника – жуткого, позорного, запретного, но такого сладкого! Интересно, если бы сейчас Удав отпустил её на волю, она была бы счастлива?

Они почти не говорили в постели, взаимные ласки отнимали все силы, но всё-таки иногда как-то надо было к нему обращаться, а как зовут любовника – Марина знать почему-то не хотела.

– Послушай, красавчик, – замурлыкала она однажды, нацеловывая его великолепное тело, – можно, я буду называть тебя Удавом?

– Почему Удавом?

– Да у тебя взгляд такой гипнотизирующий, смотришь, как удав на кролика.

– Хм, а что, мне нравится. Удав, так Удав!

С того момента, нежась под его сумасшедшими ласками, взрываясь изнутри наслаждением, она не просто стонала, а криком кричала: Уда-а-ав!..

Наконец дала о себе знать беременность. Марина не переживала: они с Ильёй решили обзавестись вторым ребенком и за две недели до первого изнасилования перестали предохраняться. Так что в этой праздничной жути всерьез её беспокоило только одно: как бы сумасшедший секс с Удавом не повредил плоду.

Месяца через три насильник заметил, что у невольницы растёт живот, но его это ничуть не трогало. Муж перестал заниматься с женой сексом, желая сберечь потомство, а Удав по-прежнему каждый четверг имел свои три раза. Это становилось утомительно и рискованно. Наконец, она вынуждена была попросить его умерить свои аппетиты, но Удав отреагировал так, что она пожалела о сказанном. Он внимательно посмотрел на её живот и заявил:

– Да, с таким пузом лучше не рисковать, есть и другие виды секса: анальный и оральный.

– Ты... Ты что мне такое предлагаешь?! Совсем мозги набекрень?!

– Да нормально всё, не ори. Многие женщины с удовольствием занимаются и тем, и другим. А уж во время беременности – и подавно.

– Я – не другие! И я не собираюсь...

Удав неожиданно грубо повалил её на кровать и схватил за горло. Его красивая рожа исказилась, глаза пронзили всё её тело насквозь, и он прошипел:

– Куда ты денешься, дорогуша!

Увидев, что его жертва от ужаса полумертвая, он ослабил хватку, тут же взялся гладить женщину, целовать, приговаривая:

– Ну извини, напугал тебя... Все будет хорошо, это только в первый раз страшно, а потом просто замечательно! Ух ты, моя сладенькая, моя сдобненькая...

Она разрыдалась:

– Пожалуйста, отпусти меня, умоляю! Я этого не вынесу! Ты что, хочешь моей смерти?

– Что за бред? Ты просто ничего не понимаешь. Давай-ка свою попу...

– Не-е-ет!..

Он легко перевернул её, поставил так, как ему надо, и сделал своё дело. Она стонала от боли, плакала, умоляла прекратить – ничто не помогало. После содеянного он долго её успокаивал, опять гладил и целовал, обещал, что со временем она привыкнет и даже станет просить его об этом.

Встречи с Удавом потеряли для нее всякую привлекательность, она приезжала к нему, как на пытку, а не приезжать не могла, потому что жутко, до спазм боялась.

Однажды она не выдержала и заявила со всей твердостью, на которую была способна:

– Я думала, что ты – человек, пусть жестокий, эгоистичный, но человек. Но, знаешь, никакой человек не может так издеваться над беременной женщиной! А ведь я, как ни странно, тебе, вроде бы, ещё и чем-то дорога. Или нет – и ты всё врал? Ты хуже фашиста, хуже зверя! А теперь – убей меня!

Ничего не отразилось в удавьих глазах.

– Видишь ли, Мариша – спокойно ответил он, – ты сама в какой-то мере виновата: приворожила меня, как зелёного пацана. Ну что же делать, если я тебя всё время хочу? Хочу безумно, просто рассудок теряю. Если ты перестанешь ко мне приходить... Я даже сам не представляю, на что способен! Давай лучше не будем экспериментировать, добром это не кончится, поверь мне.

Он так на нее посмотрел, что она отчетливо поняла: добром не кончится. Хорошенько напугав любимую, Удав все-таки согласился ограничить свои сексуальные притязания одним разом, но по-прежнему каждый четверг.

* * *

После школы Димка поступил в педагогический институт на факультет физического воспитания – родители просто не знали, куда его ещё можно пристроить, и взяли к себе «под крылышко». На первом курсе всё было хорошо, его даже не раз хвалили: и умный мальчик, и старательный, и превосходно развит физически, и вообще краса и гордость ин-

ститута. Родители уже начали подумывать, что их сын перебесился, но на втором курсе он сорвался, избил старшекурсника. Никто не стал разбираться, за что, – пожалев родителей, деканат поставил перед ними вопрос ребром: либо армия, либо колония.

Димка попросился в десантные войска, его просьбу удовлетворили. Вот уже где в полном объёме пригодились его недюжинная сила, выносливость, великолепная реакция, неустрашимость и любовь к драке. Здесь этой драки было столько, что Димка «наедался» под завязку.

В части главенствовал девиз: «Врага уничтожить – большая заслуга, но друга спасти – это высшая честь!» С первых дней молодых бойцов учили оказывать первую помощь пострадавшим. Неожиданно для себя Димка увлёкся травматологией. По правде говоря, ему было глубоко наплевать на судьбы пострадавших, работа с травмами нравилась ему сама по себе. Будь его воля – он бы с наслаждением калечил людей в драке, а потом с таким же наслаждением лечил и выхаживал.

В свободное время, когда другие бойцы отдыхали, писали письма или шли в увольнение, он отправлялся в медсанбат и вымогал у медиков информацию по травматологии.

Вернувшись из армии, Димка был поражен тем, что родители купили ему отдельную квартиру. Он очень хорошо знал, что таких денег у них нет и быть не могло, – значит, собрали последнее, поназанимали у знакомых, готовясь потом

годами возвращать долги, отказывая себе во всём. Лишь бы он, их сын, жил отдельно!

Квартира была небольшая, однокомнатная, и Димка чувствовал там себя, как тигр в клетке. Он задыхался в четырех стенах, но вынужден был терпеть и даже благодарить родителей. В институте на стационар его не приняли, пришлось переводиться на заочное обучение. Встал вопрос и с трудоустройством. В принципе, он мог бы вести секцию каратэ или рукопашного боя, но его нигде не брали. На первое время родители подкинули ему денег на пропитание – опять отдали последнее. Но продолжать сидеть на шее у родителей он никак не мог. Походил он по городу, походил и пошел грузчиком в крупный магазин. Получаемых там денег хватало заплатить за квартиру да на хлеб с маслом.

Осенью вся семья отправилась в другой город помочь маминей тете выкопать картошку. Баба Вера жила в своем домике, имела неплохой огород и делилась урожаем с племянницей. Но она рано одряхла, носить воду из колонки, колоть дрова и пластаться на огороде ей было всё тяжелее.

Димка по-новому взглянул на знакомый ландшафт. В огороде можно было сделать замечательное поле для тренировок, в сарае поставить тренажеры, а колка дров и таскание воды – неплохая зарядка для молодого, сильного организма.

– Баб Вера, тяжеленько тебе, наверное, в избе хозяйничать, – подкатился он к старушке. – А в благоустроенных квартирах – и вода тебе в кране с любой температурой, и туа-

лет под боком, не надо в морозы да в темень на огород бегать. А тепло-то как, и никаких дров не надо.

– Не трави душу, Димонька. Где ж мне ту квартиру взять?

– А давай со мной махнёмся!

– И ты, такой весь городской да избалованный, в деревенской избе жить будешь? Шутить изволишь?

– Какие шутки, баб Вера! Тебе на следующий год уж и огород не вспахать!

– Не вскопать, Димонька, твоя правда, – пожевала губами хозяйка. – Только ты мне голову не морочь...

– Да я хоть сейчас готов переехать!

– А что, тётя Вера, может, и правда подумаешь? – поддержала сына мать, хорошо знавшая, какой у сына напряг с работой.

– Ну... Если вы все так считаете...

– Конечно, так и считаем! – заверили старушку Алексей и Оленька. – У Димки неплохая квартирка, тебе в самый раз будет!

«Совсем избавиться хотят, – с обидой подумал Димка. – Ну что ж, так даже лучше».

Вскоре он переехал в Семидольск, в деревенскую избу, с удовольствием наколот для себя кучу дров, наносил воды, прогулялся по двору и огороду, представляя, как он тут наведёт свой порядок. Легко устроился в местный Дворец спорта тренером по рукопашному бою – каратист там уже был. Димка предложил ему спарринг, легко победил и за-

мыслил в ближайшем будущем выжить неудачливого каратиста из Дворца спорта, чтоб самому вести обе секции.

* * *

Куда идти после школы – такого вопроса перед Олей не стояло, в «Собеседнике» её уже ждали. Коллеги-журналисты по-прежнему делились с ней своими темами, а иногда даже и наработками. Вскоре она и сама научилась поиску интересного, своего направления у неё не было, но это никого не смущало. Ей давали зарабатывать, похваливали на планёрках, один раз даже выписали премию. Все деньги шли на семью. Поизносилась она порядком и наконец поделилась с Ириской своим горем: в таком виде стыдно появляться на людях, а ведь как раз работа с людьми и была её основным занятием.

Ириска ахнула и надела на мужа:

– Послушай, дорогой, ты когда на работу устроишься? У тебя, как-никак, двое маленьких детей и неработающая жена.

– Здравствуйте, приплыли! – изумился муж. – Ты не в курсе, что в городе безработица?

– Я в курсе, что основные деньги в дом приносят твои мать и сестра, две слабые женщины. А Ольге, чтобы зарабатывать, нужна нормальная одежда!

– Обойдётся!

– Если она не сможет работать с людьми, ты от этого по-

страдаешь в первую очередь. Короче, или ты работаешь, или я не вижу в тебе мужа. Выбирай. Я всё сказала!

И Медведь пошел грузить вагоны. Отцу в его возрасте было сложнее, удалось найти только место дворника, да и то с трудом. Денег в семье немного прибавилось, но выросли и потребности – в общем, если бы не Ириска, Оле так и не удалось бы обновить свой гардероб.

Однажды ей пришло в голову посмотреть, что происходит на погибших предприятиях. Она забрела на мебельную фабрику, где когда-то работал её отец, ворота были открыты, во дворе группа мужчин возилась с досками. Оказалось, один из рабочих фабрики сколотил маленькую бригаду, чтобы хоть как-то заработать на хлеб заказами от населения. Ловить тут пока ещё было нечего, и Ольга повернула назад, в воротах она столкнулась с парнем, который, взглянув на неё, воскликнул:

– Ух ты, какая красotka к нам пожаловала!

Её никто никогда не называл красоткой, и слова незнакомого парня поразили в самое сердце. А тот, видя, что девушка засмушалась и заалела, сам расцвёл:

– Как же тебя зовут, прекрасное дитя?

– Оля, – прошептала она. – А Вас?

– А меня – Игорьь. И давай без «выканья». У тебя парень есть?

– Нет.

– Надо же! Куда только мужики смотрят? А пойдём сего-

дня вечером в кино?

Так у Оли впервые в жизни появился свой парень. Игорь был весёлым и беспечным, знал много анекдотов, водил её в кино и на дискотеку. Он ей очень нравился, не нравился только постоянный запах спиртного, сопровождавший Игора везде. Она поделилась с Ириской, та сдвинула брови:

– Осторожней, сестрёнка. Запах спиртного – это очень серьёзно, можно всю свою жизнь загубить.

– Да ты что, Ириска! Сама-то я не собираюсь пить! А Игорь... он же совсем немного, чуть-чуть, даже и незаметно! Зато он такой замечательный!

Мать, узнав о романе дочери, ругаться не стала, наоборот, одобрила:

– А что? Взрослая уже, пора своей семьёй обзаводиться.

В общем, когда Игорь сделал ей предложение, Ольга согласилась и переехала к нему. Правда, в ЗАГС он её не повёл, объяснил так:

– Поставить штамп в паспорте всегда успеем. Надо сначала пожить вместе, лучше узнать друг друга. Да большинство пар живут в гражданском браке!

Глава 4

Марина переносила беременность тяжело. Видимо, сказалось нервное напряжение – ещё бы ему не сказаться! – и к шести месяцам она уже чувствовала себя развалиной. Наконец, и Удав заметил её состояние.

– Что-то ты совсем, подруга, сдала. Денег на фрукты-овощи хватает? Тут у меня, кстати, немного скопилось, возьми.

– Не нужны мне твои деньги. Подохну, наверное, скоро.

– С ума сошла! Бери деньги, не выпендривайся, чтоб витаминов у тебя было в достатке. А что врачи говорят?

– Какие врачи?

– То есть как это – какие? Беременные женщины наблюдаются у гинеколога. Ты что, не знала?

– Знала – не знала, какая разница? Когда мне по врачам ходить? В четверг я у тебя до обеда, потом приходится переделывать кучу дел, чтобы оправдать отсутствие сына, а в пятницу должна же я хоть один день в неделю уделить своему ребёнку.

– Хм... Ну ладно, в следующий четверг не приходи, но чтоб обязательно врача посетила! А сейчас иди-ка ко мне, моя сладенькая!..

В четверг она наконец посетила врача, а в понедельник узнала, что у нее резус-конфликт и желательно лечь в стационар на сохранение. «Как же так? – недоумевала она. – У нас

с мужем, у обоих, резус-фактор положительный, каким образом у плода взялся резус-фактор отрицательный? Можно было бы подумать, что плод – от Удава, но мы же с Ильей перестали предохраняться задолго до изнасилования! Именно от мужа я должна была забеременеть! Может, врачи просто ошиблись?»

Во вторник вечером, после работы, недалеко от магазина её встретили двое и предложили незамедлительно и без фокусов сесть в машину. Это были подельники Удава, один высокий и стройный, второй похожий на кубышку. Они привезли её в знакомый дом на Окружной, куда через несколько минут прибыл и Удав.

– Чёрт, как же я по тебе соскучился! – закричал он с порога – До четверга сил терпеть не было. Ну как, ходила к врачу?

– Какой у тебя резус-фактор? – спросила Марина, холодея от нехорошего предчувствия.

– Отрицательный, а что?

Она пошатнулась и упала бы, если бы он её не поддержал. Потом она часто вспоминала тот вечер и не могла понять, почему тогда у неё не разорвалось сердце.

– Ты чего? – забеспокоился Удав. – Совсем плохо, что ли?

Она еле разлепила спёкшиеся губы:

– У плода резус-фактор отрицательный, а у нас с мужем – положительный...

– Что?! Что ты сказала?! – заорал Удав так, что она чуть не оглохла. – Повтори, что ты сказала, мать твою!

Она не понимала его бешенства.

– Чего ты орёшь-то? – постаралась она сказать как можно спокойнее. – Насиловал, насиловал, презервативом ни разу не пользовался...

– Ах ты сука! Дрянь! Мало тебе мужа и любовника, так ещё кому-то в койку залезла! Говори, шлюха, с кем трахалась!

– Ты что, совсем ненормальный? Когда мне, да и с какой стати с кем-то трахаться? Сам же сказал: у тебя резус-фактор отрицательный, стало быть, это твой ребёнок!

– Ах ты! – взревел Удав – Я не могу иметь детей!!! Неудачно подрался ещё до армии – и всё, кранты моим детородным способностям! Так что признавайся лучше, с кем нагуляла!

Напрасно она пыталась что-то объяснить ему, доказать – он не слушал, в бешенстве бросил её на кровать, сорвал одежду, раздвинул ноги...

– Признавайся лучше, стерва... Затрахую до смерти!

Он изнасиловал ее грубо и больно, она плакала, умоляла прекратить – куда там! Не добившись от беременной женщины признания, Удав позвал друзей:

– Эй, Мулат, Тумба, прите сюда! Гляньте на эту стерву – ей мало меня и мужа! Тварь гуляющая! Признавайся, на кого ты меня променяла, скотина безмозглая! Молчишь? А ну-ка, мужики, вставьте ей хорошенько, чтоб заговорила! Тумба!

– Не дури, Удав, – спокойно сказал тот, что походил на ку-

бышку. – Ты же видишь – ей плохо совсем!

– Пусть сознаётся, дрянь! Давай, Тумба, трахни ее хорошенько!

– Нет, я – пас. И вообще, кончай издеваться над бабой. Отелло нашлось!

– Да пошёл ты! Мулат! Давай ты!

– Не надо, пожалуйста, – заплакала Марина, которой в самом деле было очень плохо.

– Тогда признавайся!

– Да не в чем мне признаваться!

– Мулат, начинай!

Мулат взгромоздился на Марину и принялся за дело. А она вдруг подумала: «И чего я сопротивляюсь? Может, это отродье подохнет там внутри. Точно, пусть трахает...»

Теряя сознание, она услышала голос Тумбы:

– Слышь, Удав, а ты сам-то давно проверялся?

– Ай-й-й! – взвизгнул Удав. – Мулат, вылазь из нее! Одеваем! В больницу!

«Вот Тумба, идиот!» – еще успела она подумать и потеряла сознание.

* * *

– Пожалуйста в мою холостяцкую берлогу, – расшаркался Игорь. Ольга тоже улыбнулась, изображая счастье. В первый момент она не поняла, почему ей вдруг стало неуютно и тревожно – холостяки, как правило, мало заботятся об уюте сво-

его жилища. Об этом она не раз слышала от знакомых женщин и ожидать, что Игорь окажется исключением, было бы наивно.

Но во второй момент всё стало ясно: на окнах не было штор. Но как можно обходиться без штор? Включил вечером свет – и весь ты как на ладони перед соседями, со всеми своими переодеваниями и почёсываниями. Но тут же она удивилась ещё больше: в квартире не было телевизора! Тумбочка с невыгоревшим посередине пятном от «ящика» стояла в углу, тут же болтался шнур от антенны, а где же сам телевизор? Кровать была застелена таким старым покрывалом, что невольно возникал вопрос: не принесено ли это покрывало с помойки?

Ольга стряхнула с себя оцепенение и воскликнула:

– Отлично! Давай сходим в магазин и купим дешёвый материал для штор. У тебя нет швейной машинки?

– Да откуда?

– Ладно, на руках сошью. Только это долго получится, поэтому побежали прямо сейчас!

– Ишь ты, торопыжка! Сначала надо стать моей женой, а потом и командовать.

– Но ты, кажется, уже это сделал, назвал меня своей женой. Или передумал?

– Ну ты наивная! «Назвал»! Я должен сделать тебя своей женой! Пошли в кровать!..

Это было справедливо, и Ольга, с трудом преодолевая

страх и отвращение, попросив сменить хотя бы простыню, легла в постель, чтобы стать женщиной.

Секс полностью её разочаровал, к страху, стыду и отвращению добавилась боль. Игорь немало удивился кровавым следам на белье:

– Ты была девственницей! Обалдеть! Я действительно у тебя первый мужчина?

– Первый. Давай простынку застираю.

– Ну надо же... Впервые целка попалась!..

Наконец они отправились в магазин за материалом для штор. Несмотря на такое количество негативных эмоций, она гордилась тем, что стала настоящей женщиной, у нее есть свой муж, и они, как настоящая семейная пара, идут за покупками. По дороге Игорь приобрел бутылку водки и закуску – надо же «женитьбу» отметить. Дома сварили картошки, накрыли на стол, муж разлил водку по стаканам:

– Ну, будем!

Ольга попробовала водку – и глаза у нее вылезли из орбит, дыхание остановилось...

– Эй, эй, ты чего? – всполошился Игорь.

Она отдышалась и виновато объяснила:

– Извини, Игорек, я не могу это пить.

– Не можешь? Водку?! С ума сойти! Впрочем, не можешь – не пей, мне больше достанется.

Хлопнув еще полстакана, он уставился на жену:

– Давай-ка в постель, женушка.

Он легко сломал её сопротивление, со словами «сначала для себя надо пожить» натянул презерватив и повторил утреннюю попытку сделать свою избранницу настоящей женщиной. Но вместо страстного секса получилось обычное изнасилование.

– Да-а-а... – протянул Игорь, – ну и жёнушку я себе нашёл! Хотя... Если я у тебя первый, неудивительно, что ты ничего не соображаешь. Ладно, будем учить и воспитывать.

Ольга не успела сшить шторы до темноты и цепляла их на карнизные крючки на фоне яркого света... Муж давно спал и не видел, как горько она плакала над шитьем, с каким трудом дотягивалась до крючков. Так началась ее семейная жизнь. Жизнь, в которой не было счастья.

Только работа оставалась для неё светлым пятном. Коллектив её за что-то любил и всемерно поддерживал, материалы выходили без задержек, и их было так много, что пришлось брать пару псевдонимов. Соответственно, и зарплата повысилась – жить бы да радоваться, но никак не получалось.

Больше всего её угнетал секс и то, что ему предшествовало. Прежде чем взгромоздиться на супругу, Игорь начинал «ласкать» её груди. Он так их тискал, давил, теребил, что Ольга боялась, как бы он их вообще не оторвал. В первый раз она оттолкнула его и раскричалась:

– С ума сошел! Мне же больно!

– Больно? – искренне удивился Игорь. – Всем бабам нра-

вится, а тебе – больно? Либо ты врѣшь, только не пойму, за-
чем, либо ты сама ненормальная.

Постепенно муж пришел к выводу, что его гражданская супруга как баба – никудышная. Она поверила. Обычно о сексе говорят с восторгом, многие женщины ради него готовы на всё, и только она, Ольга, ничего не испытывает, кроме отвращения и боли. Она взяла себя в руки, очень уж хотелось стать настоящей женщиной. Перестала сопротивляться, старательно выполняла то, чего хотел партнѣр, за что он её иногда даже хвалил. Стиснув зубы, терпела, когда он начал терзать её грудь, когда входил в неё, когда наносил удары, если ему что-то не нравилось...

Не меньше секса Ольгу угнетало постоянное желание мужа выпить. Тут она сопротивлялась изо всех сил, но чем больше сопротивлялась, тем сильнее муж напивался, а напившись, начинал скандалить и распускать руки.

Однажды он не пошел на работу, а жене заявил:

– Ну их всех на...! Горбатиться за копейки! Нормальную работу искать надо!

Поиск достойной работы затянулся надолго, свои переживания Игорь гасил водкой. Он перестал обучать жену искусству любви, а просто валил куда придется, и овладевал, перестал пользоваться презервативами. Остро встал вопрос с деньгами.

Собственно, этот вопрос встал сразу, в самом начале совместной жизни. Ольга неплохо заработала и поделилась с му-

жем своей радостью.

– Ух ты! – восхитился муж. – Это надо отметить! Сбегай за водкой да закусью.

– Сначала я отнесу маме деньги.

– Что?!

– Понимаешь, моя семья очень нуждается. Отец и брат не могут найти подходящую работу, Ириска сидит дома с маленькими детьми, мама зарабатывает гроши...

– Оля! Твоя семья – это я! Уразумела?

– Но как же...

– Так же! Четверо взрослых, здоровых людей сели тебе на шею и лапки свесили! Мозги-то включи!

Она выполнила указание мужа, включила мозги и сделала вывод, что он, как ни прискорбно, прав. Отец и брат не горели желанием искать нормальную работу, обоим устраивало такое положение вещей, когда деньги приносит в дом вчерашняя школьница.

Ольга перестала отдавать деньги матери, купила себе зимнюю куртку, сапоги, тёплые брюки, вязаную шапку с шарфом. Придела и Игоря. Но в глубине души поселилось острое чувство вины: там же Ириска с детьми голодают! Поскольку муж не мог знать, сколько конкретно она зарабатывает, часть своей зарплаты Ольга стала относить Ириске. Когда Игорь уволился с работы (или его уволили за пьянку, что выглядело правдоподобнее) и денег в семье заметно убавилось, Ольга продолжала поддерживать невестку. Пропив

остатки своих денег, Игорь взялся за Ольгины, она пыталась прятать кровно заработанные – безуспешно: у пьяниц редкий нюх на подобные «захоронки». Поэтому ни на лето, ни на межсезонье она себе ничего не приобрела.

Получилось: то, что родители и брат сели ей на шею и лапки свесили, – это плохо, а то, что муж живёт и пьёт за её счёт – это вполне нормально.

* * *

Вскоре она поняла, что беременна. Сообщила Игорю, тот отреагировал спокойно: ну беременна и беременна, эка невидаль!

– Не пора ли тебе всё-таки устроиться на работу? – Ольга решила проявить твёрдость. – Нам надо подумать о малыше – знаешь, сколько денег на него понадобится!

– А я что, по-твоему, делаю?! – заорал Игорь. – Я, если хочешь знать, уже несколько мест присмотрел! Или ты не в курсе, что в городе безработица и что-нибудь найти непросто?!

– Может, вернуться на мебельную? Хоть какая-то копейка.

– Да пошла ты знаешь куда! Я нормальную работу ищу! И только попробуй ещё раз меня куском хлеба попрекнуть, в конце концов, ты в моей квартире живёшь!

Беременность протекала тяжело, всё меньше оставалось сил на работу и всё меньше получалось зарплата. Игорь где-

то пропадал целыми днями, вечером приходил пьяный, сообщал, что кто-то его кинул, кто-то чего-то там не сделал, кому-то надо морду набить... В общем, усердно создавал впечатление, что ищет работу, но все его обманывают и кидают через колено.

Вначале Ольга верила и подбадривала мужа, как могла, потом засомневалась, но высказывать свои мысли стеснялась. Она вдруг поняла: когда-то на окнах висели нормальные шторы, в серванте стоял хрусталь, а на тумбочке – телевизор, в шкафу лежало новое постельное белье, да и покрывало на кровати наверняка было другое. Он все пропил! Ещё до того, как познакомился с Ольгой!

Она понятия не имела, что делать дальше. Вернуться домой с ребёнком на руках – нет, только не это! Отдавать деньги на сохранность какой-нибудь из соседок – так она их толком и не знает. Относить Ириске – потом назад просить стыдно. Наконец, придумала: завернула немного денег в полиэтиленовый мешочек и закинула глубоко под ванну, а чтоб можно было достать, привязала к мешку тонкую нитку. Если не знать об этой нитке, то и не найдешь. Несколько месяцев тайком она подкладывала в мешок деньги, а мужу говорила – не могу работать и нормально зарабатывать.

Тот в ответ принимался скандалить, опять пошли в ход тычки и шлепки. В ноябре она попала в больницу – что-то не так было с сердцем. Ей дали сутки на сборы.

Игоря словно подменили. Он так глубоко раскаивался,

что Оля поверила: всё ещё образуется.

– Кажется, я наконец нашёл хорошую работу! – с радостью сообщил он жене. – У нашего ребёнка будет всё! Только прости, малыш, работа в районе, и я не смогу навещать тебя в больнице. Переживёшь как-нибудь?

Назавтра, наблюдая, как она собирается, проворчал:

– Куда ты новые-то вещи пялишь? Хочешь, чтобы их там у тебя спёрли или испортили? Совсем ничего не соображаешь, дура! Одевай старое, пропадёт – не жалко. Да лечись хорошенько. Если с нашим ребёнком что-нибудь случится – убую!

Она послушалась, переделалась в старое и стала похожа на нищенку. Но это пустяки! Главное, чтоб с ребёнком всё было в порядке, а то ведь и впрямь уйдёт!

* * *

До больницы добралась кое-как. Потянулись дни, наполненные таблетками, уколами, капельницами... На неё напала полная апатия, ничего не хотелось, ни о чём не думалось, жила как во сне. Через полтора месяца её перевели в роддом на сохранение. Опять таблетки, уколы, капельницы... Она не могла понять, помогает ей лечение или нет. Хотя... какая разница? Совсем пропал аппетит. Она делила свои обеды с соседками по палате, и те, хоть и убеждали её побольше есть, всё-таки не отказывались от предложений: порции были маленькие.

Она потеряла счёт времени и, когда вдруг резко заболел живот, очень удивилась: это ещё что такое? Была, наверное, полночь, узенький серпик луны плохо освещал палату. Боль все усиливалась, и, чтобы не закричать, Ольга закусила угол подушки.

Очнулась в другой палате, лениво удивилась, заснула, опять проснулась: ну да, ей не приснилось, она действительно совсем в другой палате. С чего бы? Полежала безо всяких мыслей, прислушалась к своим ощущениям – что-то было не так. Осмотрела себя – а где живот? Через несколько минут от вошедшей медсестры она узнала, что в бессознательном состоянии родила мёртвого мальчика и потом неделю пролежала под капельницей.

Назавтра к ней пришла одна из сотрудниц «Собеседника».

– Оленька, мы в редакции деньги собирали для твоего ребёнка...

– Он родился мёртвым.

– Мы знаем, но деньги ты все равно возьми, пригодятся. Да мужу не показывай.

Муж! «Если с ребёнком что-нибудь случится – убью!» Она похолодела. Наверное, все-таки помогло ей лечение, потому что захотелось жить. Бежать, бежать без оглядки!

Она пересчитала принесённые деньги – пять тысяч, неплохо. Только бы под ванной её клад оказался в целости!

Через неделю её выписали. Зайдя в подъезд дома, где она

прожила почти год, Ольга уловила противный запах – такой аромат идет от бомжей. Около двери в квартиру Игоря запах усилился, а когда она вошла, то чуть не задохнулась. Квартира выглядела жутко: куда-то делись шторы, везде грязь, объедки, множество пустых бутылок из-под водки. Неужели в отсутствие хозяев сюда забрались бомжи и почти два месяца делали, что хотели? Она бросилась в ванную – слава Богу, деньги на месте!

Теперь поскорее собрать вещи. Она открыла шифоньер и обмерла: ни новой куртки, ни сапог, ни шапки с шарфом! Обыскала квартиру и пришла к неутешительному выводу: не только её новые вещи, но и всё, более-менее стоящее, из квартиры исчезло, пошло явно на водку.

Переживать было некогда. «Убью!» Она закинула в дырявую китайскую сумку свои вещи, оставшиеся в квартире из-за ветхости, объединила в одном пакете свои и редакционные деньги, запихала их в карман и, подхватив сумку, бросилась бежать. Заехала на работу сообщить о своем исчезновении, затем домой, попрощаться с Ириской и близнецами, ни родителей, ни брата дома не было. Девушки бросились друг у другу и расплакались. В нескольких словах Оля поведала о своём безрадостном житье-бытье замужем и о его последствиях. Ириска достала из-под матраса завёрнутую в бумагу пачку денег:

- Вот, я тут скопила немного. Возьми, тебе нужнее.
- Откуда у тебя деньги?

– Ты же давала. Прости, что не все сберегла, не получилось.

Ах, Ириска! Милое, доброе, самое родное на свете существо! От своих детей, можно сказать, оторвала...

Глава 5

Марина открыла глаза и прямо перед собой увидела милостивое лицо женщины средних лет в белом медицинском колпаке. Врач? Откуда здесь врач? Муж вызвал?

– Очнулась? Вот и молодец, – улыбнулась женщина. – Как самочувствие?

Марина осмотрелась – это была вовсе не её квартира, а больничная палата.

– Я что, в больнице? Почему?

– Как тебя зовут? – задала странный вопрос врачиха.

– Марина Княжина, а что?

– Поздравляю тебя, Марина Княжина, с рождением дочери!

– Меня?! С рождением дочери?!

– Надеюсь, ты помнишь, что была беременна?!

– Что значит «была»?

– Да, к сожалению, ребёнок родился слишком рано, шестимесячным. Но мы поместили девочку в барокамеру, есть надежда, что твоя дочь развивается нормально, как обычные дети.

– Моя дочь?!!

– Марина, успокойся. Ты что, хотела сына? В чём дело?

– Это не должно жить! Вы слышите, не должно!! Вытащите его из барокамеры, пусть сдохнет!

У врачихи вытянулось лицо.

– Марина! Что за дикость?!

– Это не дикость, доктор, а суровая необходимость. То, что родилось... это надо уничтожить!

– Что, от любовника нагуляла? – криво усмехнулась врачиха. – Бывает. Девке – удовольствия да развлечения, а ребёнку, доктор, убейте! Я не для того четыре часа вас обеих спасала, чтобы теперь просто так, по твоей необременительной просьбе, подойти и убить человека!

– Ай, доктор, да вы же не знаете ничего!

И Марина, глотая слёзы, рассказала этой незнакомой женщине всё. Или почти всё. Описывать собственное наслаждение, безумные ночи рядом с беззаботно похрапывающим мужем, невыносимое желание абсолютной близости с подонком она, естественно, не стала. Зато его издевательства преподнесла в деталях.

Врачиха слушала, не перебивая.

– Та-а-к! Опиши-ка мне этих мерзавцев, – голос врачихи напоминал скрежет по металлу.

– Один красивый, это мой главный мучитель. Второй высокий, худощавый, смуглый, а третий приземистый, похож на кубышку.

– Вот негодяи! А нам сказали, что выбрали тебя на дороге, мы даже поблагодарили их за оказание помощи незнакомой женщине! Ну, теперь они у нас попляшут!

– Ой, нет, не надо! Не предпринимайте ничего! Это же

бандиты, от них можно ожидать чего угодно! Если сообщите в милицию, ни вам, ни мне, ни моей семье не жить!

– И позволить им уйти от ответственности?!

– Пусть их Бог накажет! Ой, доктор, что же я теперь скажу мужу?! Он ведь считает, что ребёнок – от него!

– Так, может, пусть и дальше так считает?

– Нет, нет! У ребенка резус отрицательный, рано или поздно всё выяснится... Да и вообще... Ой, мамочки, он же меня потерял!

– Всё нормально. Как только тебя доставили к нам, мы сообщили в милицию. А ещё раньше туда же позвонил твой муж. Никто ничего не заподозрил. Версия такая: беременная женщина шла с работы, ей стало плохо, она упала и потеряла сознание. Мимо проезжали трое молодых людей, они и доставили беременную в роддом. Милиция не стала уточнять, что в какое время происходило, нашлась пропажа – и ладно. Кстати, скоро твой муж пожалует.

– Ой, мамочки!

– Да не бойся ты так, его дальше вестибюля никто не пустит.

– Но потом-то как быть? Что мне делать, доктор, помогите!

– Определись, чего ты хочешь: скрыть от мужа правду или всё рассказать?

– Скрывать правду бессмысленно. А может, скажем, что ребёнок родился мёртвым? Точно! Нет ребёнка – нет про-

блем.

Дверь приоткрылась, в палату заглянула пожилая нянечка:

– Софья Павловна, муж Княжиной пришёл, хочет с Вами поговорить.

– И, конечно, он видел на стене список родившихся детей?

– Само собой. Его, бедного, аж трясёт.

– Скажите ему, что освобожусь через полчаса, пусть подождёт.

Марина с надеждой смотрела на врачиху, от которой зависела вся её дальнейшая жизнь.

– Вот такие наши дела, – вздохнула Софья Павловна, когда нянечка ушла. – Твой муж уже знает, что ты родила дочь весом меньше килограмма.

– Ну и что? Прожил ребенок три дня – и умер. Да вытащите его из барокамеры – и все дела.

– Есть некоторые вещи, о которых, я думаю, ты должна знать. Ребёнок в твоём чреве перенёс страшные испытания – поразительно, что он остался жив. Крохотный, слабенький, несчастный человечек – и такая тяга к жизни! И теперь, когда он преодолел самое страшное, – как его можно убить? У какого злодея поднимется рука?

– Чёрт с ним, пусть живёт. Отдадите кому-нибудь.

– Вот, уже лучше. Пусть ребёнок живет! Идём дальше. Это не просто какой-то там посторонний ребенок, это твоя частичка, твоя кровиночка, и с этим ничего не поделаешь.

К тому же иметь двоих детей куда лучше, чем одного. Мальчик и девочка – да многие об этом мечтают!

– Подумаешь! Забеременею ещё раз и рожу от собственного мужа!

– К большому сожалению, Марина, это невозможно. Не хотела пока тебе говорить, но ты сильная, ты справишься. Дело в том, что... матку тебе пришлось удалить.

– Что?!

– Я хорошо понимаю, какое это для тебя горе, но постарайся взять себя в руки. Есть время хорошенько все обдумать. Торопиться с решением не стоит. Не забывай: судьба твоей маленькой дочки зависит от твоего решения. Кто знает, возможно, именно она стает твоей утехой в старости.

Но Марина ничего не слышала. Густая, тяжелая волна горя и боли затопила её всю, перекрыв доступ воздуха к легким.

– А-а-а!... – страшно завывала она, когда смогла наконец вдохнуть. – Да будьте вы прокляты! Прокляты!!!

– Я?! – обомлела врачиха.

– Да вы-то тут при чём? Я – об этих мерзких тварях! Нелюди! Ублюдки! Пусть их Бог накажет страшно... страшно... Хотя... Тот, что на кубышку похож, пытался меня защитить. Пусть Всевышний это учтёт, я не хочу быть несправедливой.

По городу разнеслась весть, что во Дворце спорта новый тренер по рукопашному бою в спарринге легко разделал маститого каратиста под орех, и к Димке потянулись желающие записаться в его секцию. Зал для тренировок был не резиновый, кроме рукопашников, там занимались еще каратисты (Димке так и не удалось выжить побитого им тренера из Дворца спорта), дзюдоисты и боксёры. Димкиным поклонникам не хватало ни места, ни времени. Он предложил пятёрке самых крепких парней оборудовать дополнительную площадку для тренировок у себя на огороде, те с удовольствием согласились, вслед за ними пришло ещё несколько человек – и работа закипела. На доски, гвозди, прочий стройматериал и инструменты «сбросились» всем миром. Поставили высокой плотный забор вокруг будущего «полигона», возвели два навеса лицом друг к другу, поставили скамьи.

Дом вместе с преобразованным огородом гордо называли «базой». Дворец спорта платил Димке, естественно, только за те тренировки, что значились в официальном расписании, и парни, пошушукавшись друг с другом, решили доплачивать ему сами. В благодарность Димка (теперь уже не Краб, а Мастер) взялся обучать ребят ещё и каратэ. Потом плавно перешли к владению холодным оружием.

Базой заинтересовался местный участковый Василий Игнатьевич Салмин. Он заявился «в гости» как раз тогда, когда парни с упоением метали ножи в деревянный щит, его

появление заметили слишком поздно.

– Кто тут хозяин? – прогремело над огородом.

Димка вышел вперед:

– Ну я. А в чём дело?

– Милиция интересуется, что тут такое происходит. Можете объяснить?

– Легко. Здесь занимается секция рукопашного боя Дворца спорта: там не хватает для нас времени и места.

– А при чём здесь ножи?

– Умение владеть холодным оружием рукопашнику не мешает.

– Разрешаю только официальную секцию. Еще раз увижу это метание – будете иметь дело с прокуратурой.

Пришлось энтузиастам закрывать изнутри ворота и при форс-мажоре быстро прятать щит и ножи.

Участковый заходил нередко, к нему привыкли и называли дядей Васей. Предлагали потренироваться с ними, но он отмахнулся: куда уж мне, старику! Поскольку дяде Васе было сорок с хвостиком, ему за спиной дали кличку Старик.

* * *

Однажды в перерыве между занятиями Димка зашёл в торговый центр за тёплыми ботинками. Понравилась ему одна пара, но она оказалась маловата.

– Девушка, – обратился он к продавщице, – у вас есть такие же, но размером...

Он не договорил, потому что неожиданно для себя буквально остолбенел. Неожиданно потому, что в девушках недостатка у него никогда не было. В пятнадцатилетнем возрасте он познал сладость любовных утех, а к семнадцати одна местная шлюшка обучила его виртуозному обращению с женщинами. Претенденток на Димкину любовь было полно, и он имел возможность выбирать из толпы самых красивых и сексуальных. Но никогда в жизни он не испытывал ничего подобного. Нельзя сказать, чтобы молоденькая продавщица была сказочно хороша, – в его постели побывали девчонки куда красивее. Но было в ней что-то такое, не поддающееся ни описанию, ни осмыслению.

Не без труда Димка собрал в кучу разбежавшиеся мозги и наконец задал свой вопрос:

– У вас есть такие же, но размером больше?

Продавщица отрицательно покачала головой. Она смотрела на него, как кролик на удава, и – он прекрасно это видел – просто не в состоянии была двигаться. «Моя!» – отчетливо прозвучало в его мозгах, в сердце и... в паху. Он захотел ее так, как не хотел никогда и никого. Но торчать тут не было времени, он с сожалением покинул отдел мужской обуви, напрочь забыв о тёплых ботинках, и по дороге к выходу расспросил местных работников об этой удивительной девушке. Оказалось, ее зовут очень красиво: Марина Княжина, но, к сожалению, она замужем и даже имеет трёхлетнего сына.

Впрочем, наличие супруга и ребёнка ничуть не охладило его пыла – подумаешь, первый раз, что ли... В тот вечер его секция во Дворце спорта заканчивала работу в шесть часов. Он метнулся к магазину, дождался, пока Марина выйдет на улицу, и пошел следом за ней. С ума сойти! Даже просто издали смотреть на её спину, на её ноги, на её попку – все вызывало дикое наслаждение и ещё белее дикое желание. Она села в автобус – он за ней. Через две остановки девушка вышла – он двинулся следом. Она обернулась – даже в темноте было заметно, как она перепугалась, – и бросилась бежать. Он хотел сделать то же самое, но тут обратил внимание на неосвещённый участок дороги, где за частично разобранным забором высилась какая-то незаконченная постройка. Это была судьба! План в его голове возник мгновенно – завтра! Всё будет завтра, и именно здесь!

Димка обратился за помощью к двум самым близким друзьям, Тумбе и Мулату. В восторг от плана пришел один Мулат, он вообще был склонен к криминалу и разным авантюрам. Вдвоём они кое-как убедили более совестливого Тумбу. Решили, что заниматься любовью с избранницей будет только Димка.

Это была первая женщина, которая его, Дмитрия Крабника, не хотела и до жути боялась. Но главное – не хотела, и это заводило его невероятно. Разложив женщину на одеяле и оголив желанную часть тела, он задохнулся от восторга, хотя женщины в этом месте мало чем отличаются друг от дру-

га. Он бы долго смотрел и нежно гладил, если бы не зима. Девушка, прижатая к земле, сопротивлялась изо всех сил, уворачивалась, ему было очень ее жаль, и это тоже заводило! Он чуть разума не лишился, овладевая ею на сугробе.

Потом на всякий случай припугнул, мол, только попробуй кому-нибудь рассказать! Разумеется, он никогда бы не стал причинять горе её семье, а вот напугал посильнее, увидел, как она задрожала, и – опять захотел. Она уходила, еле переставляя ноги, ссутулившись, поникнув, и он страдал вместе с ней, и чем больше страдал, тем сильнее хотел. Прямо наваждение какое-то!

С тех пор другие женщины его не волновали. По четвергам она приходила к нему в домик на Окружной – сначала из страха перед обещанной им расправой над мужем и сыном, потом сама втянулась в эту сумасшедшую игру. Он стал рассеянным на работе, меньше уделял внимания тренировкам на огороде – Марина заслонила собой всё. Спасибо, Мулат и Тумба за ним хорошо следили и не позволяли окончательно расклеиться.

Однажды, лаская его тело, любимая сказала:

– У тебя взгляд, как у удава, который смотрит на кролика. Можно, я буду называть тебя Удавом?

Разумеется, он согласился: Удав – это вам не какой-то там Краб, Удав – это сила, мощь, это, в конце концов, власть над толпой! Своим друзьям Димка заявил, что отныне его звать Удавом, это его официальная кличка для близкого круга, так

сказать, «позывной».

На беременность подруги он сначала не обратил внимания, но в один прекрасный день сообразил, что их сумасшедшему сексу вот-вот придёт конец, и ужаснулся. Он совершенно не представлял, как будет без него обходиться, – о другой партнёрше и речи быть не могло. Обеспокоенный состоянием друга Мулат посоветовал ему воспользоваться извращениями. Это было, конечно, совсем не то, но хоть что-то!

А потом... Димка не хотел об этом вспоминать, но с раннего утра и до ночи эти мысли рвали его на части, и картинки, одна за другой, услужливо выстраивались перед его мысленным взором, скручивая в жгут. Да, он не помнил себя от горя и унижения, поняв, что его женщина отдалась другому, – мужа он вообще в расчёт не брал. Да, нервы не выдержали, разум помутился, но как-то не получалось оправдать себя до конца.

Вопрос вопросов: Марина действительно ему изменила или носила под сердцем его, Димкиного, ребёнка? И то, и другое – плохо, настоящая катастрофа. Если отдалась другому – он этого не переживёт, если не изменяла – значит, он угробил в утробе матери собственного ребёнка! А может, и саму мать!

Измученный неизвестностью, он всё-таки отправился к врачу.

Глава 6

Оля называла ее «девочка Нина из соседнего подъезда», потому что в её подъезде жили тетя Нина и бабушка Нина. Именно с этой девочкой она чаще всего играла во дворе, они, можно сказать, дружили, хотя посещали разные детские сады. А вот в школе оказались в одном классе, и Оля наконец узнала фамилию этой девочки: Кисловская.

В отличие от самой Оли, Нина была умной. И красивой. И посадили её с «самым красивым и умным» Серёжей Першиным. Оля немножко расстроилась – она и сама с удовольствием сидела бы рядом с Серёжей, но тут же девочка себя одернула: нет всё правильно, пусть красивые и умные дети сидят рядом.

Нина пользовалась в классе популярностью, с ней все хотели дружить, и Оля очень гордилась тем, что среди многочисленных Нининых поклонников занимает не последнее место. Сама же Нина зорко следила за тем, чтобы Оля с другими детьми не дружила, а только с ней, и буквально таскала подружку за собой. «Я ей нужна, она меня любит!» – с гордостью думала Оля, и только теперь, вдали от родного дома, вспоминая детство, она засомневалась в этой любви. Больше походило на то, что серенькая, невзрачная, неухоженная Оля Портич своим неприглядным видом очень хорошо подчёркивала красоту и неповторимость Нины Кислов-

ской. Но ни зависти, ни обиды не было, наоборот – все-таки целых одиннадцать лет благодаря этой дружбе она чувствовала себя не хуже других.

Вскоре после школы Нина по интернету познакомилась с каким-то парнем за Уралом и уехала к нему – поближе к центру, к цивилизации. Поскольку у Оли никаких телефонов не было, девушки договорились писать друг другу письма. Нина рассказывала о своём замечательном муже, о его чудесных родителях, о кафе и ресторанах, о самом Семидольске, который был гораздо крупнее и красивее сибирского городка Борск. «Приезжай к нам в гости, – писала Нина. – Здесь столько интересных мест, такой чудесный парк! Я тебя жду!»

Спасаясь от мужа, который пообещал убить её, если с ребёнком что-нибудь случится, закладывая в клетчатую китайскую сумку остатки своих вещей в квартире Игоря, Ольга уже знала, куда поедет. Конечно же, к Нине в Семидольск! Обладая огромной суммой в пятнадцать тысяч, она считала себя богачкой и была почти уверена в успехе. А если что-то пойдёт не так, подруга выручит.

– Оля? Ты? – удивилась Нина, открыв дверь на звонок.

– Я, – подтвердила Оля, – ты же меня звала...

– Хм... Ну, проходи. Ты надолго?

– По правде говоря, я сбежала из Борска – так сложились обстоятельства. Надеюсь как-нибудь устроиться здесь, ты ведь мне поможешь?

– Видишь ли, Оля... я через два дня уезжаю.

– Как?! Куда? Почему?

– Я не успела тебе написать – так быстро все произошло!

Встретила другого, мы полюбили друг друга, он коренной москвич. Сама понимаешь, я не могла упустить такой шанс.

– А как же твой Борис? Ты его так расхваливала!

– А что Борис? Развелись. Рыба ищет где глубже, а человек – где лучше. Так что извиняй.

Ольга, оглушенная и потерянная, молчала. Да и что тут скажешь? Нина поставила на стол чай с печеньем, усадила подругу.

– Ладно, не кисни, придумаем что-нибудь. Я тут в местной газете смешное объявление видела, но тебе, возможно, и пригодится. – Она принесла газету, показала объявление: сдаётся в аренду квартира дешевле дешёвого. Тут же набрала на мобильнике указанный в объявлении телефонный номер, переговорила с кем-то и облегчённо вздохнула. – Нам повезло! Жильё как раз для тебя. Вещи пока можешь у меня оставить. Кати быстрее по этому адресу, пока кто-нибудь нас не опередил!

Вопрос с жильём был решён положительно. Надо сказать, оно являло собой образец креативной мысли. Когда-то это была обычная квартира с довольно вместительным совмещённым санузлом квадрата в четыре и кухней квадратов в шесть. Хозяин перегородил санузел пополам; в первой части, обращённой к коридору, остался туалет, только не с уни-

тазом, а с ямой, «очком», как называют её в народе, красиво отделанной. К «очку» прилагалась толстая пластмассовая решётка, а к стене был приделан душ. Прямо два в одном флаконе: решётку убрал – туалет, положил на яму – душевая кабина.

На стене красовались крошечная мойка, две полочки и полотенцедержатель, на двери – планка с несколькими крючками. Нашлось место и для мусорного ведра.

Вторая половина санузла превратилась в кухню. Ещё одна крошечная мойка слева, самодельный столик – справа, на нём однокомфорочная плитка и современный скоростной электрочайник. На стене – полка с немудрящей кухонной утварью на одного человека. Под столом – малюсенький холодильник без морозильной камеры.

Сама же кухня стала комнатой, куда вместились кровать, столик со стулом и шкаф. Прихожая, маловатая для нормальной квартиры, в данном контексте выглядела шикарно, здесь имелись вешалка, зеркало с подставкой, полка для обуви и какое-то странное ведро, которое оказалось стиральной машиной. В общем, квартиру сделали из кухни и санузла, а комнаты отошли соседней квартире, где и проживала хозяйка.

– Здесь есть всё необходимое для полноценной жизни, – приговаривала Раиса Филипповна, показывая Ольге апартаменты. – И всего четыре тысячи в месяц, таких цен уже давно нет.

Квартирка Оле понравилась: она была тёплая, сухая, уютная, чистая. Свежие, симпатичные, хоть и явно недорогие, обои радовали глаз, все лампочки прятались в круглых плафонах, по домотканому половичку приятно было походить босиком. Ольга перевезла от Нины свои вещи, разложила их по квартире и впервые в жизни почувствовала себя самостоятельным человеком, хозяйкой. Возникло чувство, что здесь, в этом городе, в этой квартире она оказалась не случайно, может, судьба наконец сжалилась над ней и теперь всё будет хорошо.

* * *

Софья Павловна Гельминская очень любила свою работу, она, можно сказать, дневала и ночевала в роддоме, но к роженицам с разговорами никогда не лезла, воспитывать не пыталась, их делами, не связанными с медициной, не интересовалась, имён не запоминала – зачем?

Осмотрев привезённую тремя парнями полумёртвую беременную женщину, она пришла в ужас: такого чудовищного изуверства ей видеть не приходилось. Она сделала всё возможное и невозможное, чтобы сохранить жизнь и матери, и ребёнку, постаралась оказаться рядом, когда бедолага придёт в себя, и впервые заинтересовалась своей пациенткой. Ей пришлось решать вопросы, далёкие от гинекологии, акушерства и хирургии.

С большим трудом она уговорила Марину Княжину не ру-

бить с плеча, а хорошенько подумать. Более того, Гельминская надеялась, что со временем убедит мамашу оставить девочку себе. С мужем было сложнее. Скрывать от него факт изнасилования жены не представлялось возможным, ведь ему наверняка захочется увидеть жену с дочерью хотя бы в окне – ну, и что он увидит? Марина однозначно не сможет изобразить радость от рождения ребёнка. Она вообще не собиралась преподносить мужу бандитское отродье как долгожданную, любимую доченьку. Он должен знать правду, только надо как-то так её изложить, чтобы выйти из ситуации с наименьшими потерями.

Гельминская пригласила Княжина в свой кабинет, усадила на стул для посетителей, глубоко вздохнула и начала:

– Илья Ильич, нам с вами надо очень серьёзно поговорить.

– Да, конечно, я уже знаю, что моя жена и дочь живы, спасибо вам огромное, но, наверное, есть какие-то осложнения? Что-то не так? Говорите как есть, я уже ко всему готов.

– Ко всему ли? Случилось страшное: ваша жена приглянулась одному бандиту, она не ответила взаимностью, и он, позвав на помощь своих дружков, похитил её и взял силой.

– Беременную?! Именно поэтому моя дочь родилась недоношенной?

– Гм... Это случилось зимой. Забеременев, Марина была абсолютно уверена, что ребёнок – от вас...

– Что?! Вы хотите сказать, что ребёнок – от бандита?!

– Да. Ваша жена узнала об этом слишком поздно, когда

аборт уже нельзя было делать, и решила сама избавиться от плода, в результате вместе с ребёнком чуть не убила и себя. Ее подобрали на улице...

Лицо мужчины мертвенно побледнело и перекошилось. Гельминская уже приготовилась оказывать ему первую помощь, но он пришел в себя сам.

– Уж лучше бы она умерла.

– Но девочка жива, она набирает вес в барокамере и, надеюсь, будет нормально развиваться.

– Я не об этом... дерьме.

– Не поняла...

– Что тут непонятного? На хрена мне жена, которая легла под какого-то бандита! Она таскала в себе его семя, а я, дурак, пылинки с неё сдувал, на руках носил!..

Гельминская опешила. Мало того, что с этой бедной женщиной сотворил какой-то мерзавец, так ещё и родной муж смерти желает!

– Вы что, рехнулись?! – повысила она голос. – Или уши серой заложило? Я же объяснила, как было дело! Если до вас не дошло, могу повторить: ваша жена – жертва насилия, а не потаскуха, ей необходимы помощь и поддержка, а не ваши дурацкие амбиции!

Княжин молча встал и вышел, хлопнув дверью. Еще никогда у Софьи Павловны не было так муторно на душе. Операцию она сделала виртуозно, спасла две жизни – и что в результате?

Марине она рассказала, что её муж сильно разозлился, узнав правду, но это, в принципе, нормально, теперь нужно время, чтобы он успокоился и взглянул на ситуацию по-новому. Тогда можно будет продолжить разговор.

Каждый день Гельминская находила несколько минут, чтобы навестить Марину, поддержать ее, успокоить, вселить веру в удачный исход. Как бы между прочим сообщала новости о девочке – буквально два-три слова, больше говорить на эту тему Марина упорно не хотела.

Через несколько дней Гельминской сообщили, что к ней прорывается симпатичный мужчина с букетом цветов и коробкой шоколадных конфет. Приняв посетителя, в первый момент она порадовалась, что вот еще одному новоявленному папаше счастье подарила, а во второе мгновение чуть не свалилась со стула: перед ней стоял один из тех мерзавцев, которые изнасиловали беременную женщину, а потом привезли в роддом, якобы подобрав на дороге. Даже не один из тех троих, а главный негодяй! И этот подонок еще чему-то радовался! Будь её воля, она бы вздёрнула его на виселицу, да на городской площади, чтоб другим мерзавцам неповадно было!

Между тем негодяй положил на её стол цветы и конфеты и разулыбался ещё шире:

– Вот, это тебе. Ты спасла мою любимую женщину и мою дочь!

– После того, как ты их убил!

– Ну да. Себя не помнил, совсем от обиды с катушек съехал. Я же был уверен, что не могу иметь детей, а она забеременела не от мужа. Ну всё, думаю, изменила, мало ей мужа и меня... Идиотом был!

– Мне подробности не интересны. Ты преступник, садист, убийца. И пошёл вон из моего кабинета!

– Да как же «вон», если ты такое чудо совершила! Ты даже не представляешь, что для меня сделала! Я тебе теперь по гроб жизни обязан!

– И прекрати мне «тыкать»! Я тебе в матери гожусь!

– Да перестань. Такая молодая, красивая – и в матери! Ты же Софья Павловна Гельминская? Значит, я буду называть тебя «моя дорогая Софи»! И вот ещё что, тут деньги...

– Не нужны мне твои паршивые деньги, пошёл вон!

– Да это не тебе. Это чтобы у Маришки всё было, лекарства там, витамины, да мало ли...

– Маришка тоже обойдётся. Глубоко сомневаюсь, что она примет что-нибудь от такой мрази, как ты.

– А ты и не говори, что это от меня. Пусть будет от мужа, какая разница. Лишь бы она ни в чём не нуждалась.

– Хватит человеком прикидываться! Если сейчас же не уберёшься из роддома, я вызову милицию. Твоё место – на нарах!

– Ладно, не злись, тебе не идёт. Ухожу, деньги оставляю – по-любому пригодятся.

Мерзавец направился из кабинета, но в дверях обернулся:

– Будь счастлива, моя дорогая Софи. За Маришку и дочку я всё для тебя сделаю!

* * *

– Вот такие наши дела, – закончила свой рассказ Гельминская.

– Надо было его подачки за дверь выкинуть, вместе с ним самим! – яростно выкрикнула Марина. Она всё ещё находилась одна в палате на двоих, потому что боялась всяких расспросов. Гельминская была с ней солидарна и доказала главврачу, что так – лучше для всех.

– Я хотела выкинуть, – призналась она. – Но нам с тобой лишний шум ни к чему, и потом – с паршивой овцы хоть шерсти клок! Муж-то ведь так и не приходит? А питание у нас далеко от идеала, что там говорить. Тебе много чего нужно, и не только витамины. Странно... Твой Илья, бросившись с утра в роддом, не захватил с собой даже зубной щетки, не говоря уже о белье и фруктах. А ведь он не знал, что ребёнок – не от него. Он что, вообще такой равнодушный и бестолковый?

– Да нет, как раз наоборот, внимательный и заботливый. Что ж он не приходит-то? Неужели все ещё злится и не может простить? Я тут с ума сойду!

В общем, пришлось Софье Павловне самой ходить по магазинам, приобретать для необычной пациентки всё необходимое. Бандитских денег было прилично, остатки от поку-

пок решили приберечь. Но через два дня мерзавец появился снова, он вошел в кабинет Гельминской, как к себе домой, ничуть не смущаясь, поудобней устроился на стуле.

– Моя дорогая Софи, я так рад тебя видеть в полном здравии!

– Не могу ответить тем же. Говори, что надо, и проваливай.

– Да я тут подумал... Маришкин муж наверняка узнал о рождении девочки. Он приходит навещать свою жену или кто-то открыл ему тайну рождения?

– Тебе-то какое дело, заботливый ты наш! Нагадил людям по самое никуда, а теперь нормального человека из себя корчишь! Моя бы воля – я бы тебя на площади...

– Да знаю я. Стало быть, Илья в курсе и жену не навещает. Вот тоже идиот, она же ни в чём не виновата!

– Тебе ли судить, подонок! Если всё сказал – выметайся.

– Выметаюсь. Вот еще деньги, помоги Маришке. И доченьке моей...

Софья Павловна с Мариной обсудили очередную выходку подлеца, возник вопрос: откуда у него деньги в таком количестве? Марина понятия не имела не только о том, где и кем он работает, но даже и как его зовут. Впрочем, какая разница... Гельминская набрала вкусностей и книжек, чтобы отвлечь пациентку от дурных мыслей.

А через день к Софье Павловне наведалься долгожданный Илья Княжин. Он похудел, оброс щетиной, глаза покрасне-

ли. Выглядел нервным и перепуганным.

– Ну как там моя? – спросил он совершенно бесцветным, равнодушным голосом, будто повинность отбывает. – Ничего нового?

– Как же ничего? Уже одно то, что вы пришли, огромное событие. Ваша жена с ума сходит от всего произошедшего, от неизвестности, от вашей беспричинной ненависти. Может, помириться, наконец?

– Я ни с кем не ссорился, чтобы мириться. Ну, и как ее здоровье?

– Поправляется потихоньку. Вы ей что-нибудь принесли?

– В смысле?

– Вообще-то, в больницы и роддомы люди приходят с пакетами: домашняя стряпня, фрукты, соки, овощи, предметы санитарии и гигиены... Интересуются: что ещё необходимо?

– Ну-у-у... Её-то снабжают по полной программе. За какие заслуги, спрашивается? Не знаете, случайно?

– Догадываюсь. Этот мерзавец замаливает свои грехи. Хотелось бы некоторое участие и от родного мужа получить.

По лицу мужчины пробежала судорога.

– Скажите ей, что дома всё хорошо, соседка помогает. И... что ещё ей нужно?

– Будете записки друг другу писать, всё и узнаете из первоисточника.

Не помогли и записки, Илья полностью устранился от помощи жене и ребёнку. Собственно, от него другого и не ждали, ругаться перестал, разрешил привезти новорожденную домой – и на том спасибо. Всё необходимое закупила Гельминская. Денег Удава (или Урода, как назвала его «дорогая Софи») хватило с избытком и ещё немного осталось. Рано утром, когда почти весь роддом спит, они вышли с ребёнком и двумя сумками на улицу, в целях конспирации Софья Павловна подошла ближе к дороге и подняла руку, как бы подзывая попутку. Подъехала старенькая машина, как положено, открылась дверь, Гельминская заглянула в салон.

– Моя дорогая Софи! – расцвёл Урод. – Как же я рад тебя видеть!

«Дорогая Софи» промолчала: ей до чёртиков надоело «опускаться» этого негодяя, тем более, что и толку никакого не было – Урод перманентно излучал счастье и покладистость. Обе женщины с ребёнком и вещами загрузились в машину – такая была договоренность, что Удав только привезёт их на место, а уж помогать Марине дальше будет «дорогая Софи».

Муж проснулся, но не бросился к жене, стоял в сторонке и молча наблюдал, как они с врачихой разбирают вещи, меняют ребенку пеленки, обустроивают место для новорожденной. Ни кровати, ни коляски для неё не было, разместили в углу дивана.

– Сегодня же куплю коляску и привезу, – непререкае-

мым тоном заявила Гельминская. Супруги промолчали. Она ушла от них с тяжёлым сердцем – похоже, жизненная дорога бедной девочки не будет усыпана розами – может, отдать её Уроду? А что? Он – отец, деньги имеет, любит свое чадо. И он – единственный на всём белом свете человек, кому несчастная крошка нужна. Как же раньше ей эта мысль в голову не пришла? Да, пожалуй, надо поговорить с Мариной на эту тему.

Но ни купить коляску, ни поговорить с мамашей у Гельминской не получилось: на работе началась запарка.

Коляску притащил Удав. Он заявился днём, когда муж был на работе, а сын – в детском саду. Оставив покупку посреди комнаты, бросился к голенькой малышке и взялся целовать её во все места, приговаривал:

– Ах ты, моё солнышко, мой ангелочек, моя девочка! А чьи это у нас ручки? А чьи это такие ножки? А чья это такая сладенькая попочка? А чья это такая писечка?

На левом бедре ребенка темнело родимое пятно в форме человеческого эмбриона, оно особенно умиляло папу Удава:

– Во-о-от, моя кровиночка, сразу видно. У меня такое же, видела? Поцелуй Сатаны! Теперь мы вместе навсегда, не потеряемся! Ой, да чьи же это пяточки сладкие такие...

Марина равнодушно взирала на происходящее, прислонившись к косяку. Если бы это был её ребенок, она ни за что не позволила бы хватать его грязными руками и лобызать где ни попадя. Но лежащее на диване существо своим ребён-

ком она не считала. Это было нечто чужеродное, внедрённое в её организм насильственным путем, исковерковавшее жизнь и убившее наполовину её саму. «Поцелуй Сатаны»! Надо же, прямо в десятку!

– Как назвала? – спросил Удав, закончив лобзания.

– Пока никак, пусть окрепнет.

– Одно другому не мешает. Пусть крепнет с именем. И вот еще что. Я поговорил с твоим мужем, он бед не натворит. Ты тоже давай матерью становись, а то стоишь, как гипсовая статуя. Имей в виду – если с девочкой что-нибудь случится, вы с мужем пожалеете, что родились на белый свет.

Через три дня он принес кроватку. Распеленав, опять обцеловал своё чадо со всех сторон, наговаривая самые ласковые слова, какие знал, любовно погладил «поцелуй Сатаны» и обернулся к Марине:

– Ну, так как назвала дочку?

– Почему бы тебе самому не назвать?

– Я хочу, чтобы это сделала ты.

– Да какая разница! Не забывай, это все-таки твоя дочь, моего согласия ты не спрашивал, когда распял на сугробе!

– Ах, вот ты как! – задохнулся от бешенства Удав, бросил Марину на пол и грубо изнасиловал.

Она потом долго чистила зубы и полоскала горло. И плакала, плакала... Ну не могла она дать сатанинскому отродью человеческое имя, не могла, и всё тут!

Назавтра она гуляла с малышкой в коляске – соседи зна-

ли, что она родила, и могли заинтересоваться, отчего мамаша не выносит ребёнка на свежий воздух. Марина горестно вздыхала: не сегодня – завтра придёт этот садист, и если она опять не назовёт имя младенца... Её передёрнуло.

Дорога шла недалеко от местной помойки, у которой копошилось грязное, оборванное существо неопределённого пола. Марина подошла ближе. Спутанные сальные лохмы, разноцветная опухшая физиономия, разбитые в кровь губы, рваньё, отдалённо напоминающее женскую одежду, и... зловоние.

– Эй, тебя как зовут? – спросила Марина.

Существо повернуло голову и прохрипело:

– Оля, а что?

Марина развернула коляску и пошла прочь.

– Эй! – донеслось до неё. – Ты зачем спрашивала-то? Ты меня знаешь?

Марина, не оборачиваясь, уходила с лёгким сердцем. Девочку она назвала Олей.

– Ну, так как нашу доченьку зовут? – в очередной раз спросил Удав, закончив церемонию отцовской любви.

– Олей, – ответила Марина и... похолодела от ужаса – а вдруг Удав догадается, почувствует своим змеиным нутром, откуда к ней пришло это имя! Да он просто прибьёт её сейчас, и всё! Но негодяй подскочил к Марине и с криками: «Олей?! Класс! Вот молодец! Вот удружила!» – подхватил ее обмягшее тело и закружил по комнате.

– Ты чего? – удивилась Марина, когда наконец была поставлена на ноги.

– Так у меня сестрёнку Олей зовут! Ты не представляешь, какая у меня сестрёнка! Красавица, умница, хозяйюшка отменная!

– Любишь свою сестрёнку?

– Ещё бы не любить!

– А если бы кто-нибудь сделал с ней то, что ты сделал со мной?

За какую-то долю секунды жизнерадостный красавчик превратился в раненого зверя, его лицо посерело, глаза ввалились, вместо улыбки – звериный оскал. «Господи, зачем я это лягнула? – перепугалась женщина. – Теперь не сдобровать...» Но Удав замер на месте страшным изваянием.

– Убил бы гада, – наконец прохрипел он. – На мелкие кусочки порезал!

– Вот видишь, – осторожно укорила его Марина.

Удав помолчал, собрался с силами и, криво улыбнувшись, сквозь зубы процедил:

– Так я не удивлюсь, если и меня кто-нибудь прибьет, на кусочки порежет.

Он прекрасно знал, что отомстить ему за Марину просто некому.

Глава 7

Вскоре Ольга заметила, что озлобленность и взаимная ненависть в редакции «Ракурса» – дело обычное. Взрослые, солидные люди понадавали друг другу обидных кличек и всю ими пользовались. «Лишнего человека» Веру-Холеру ненавидели за то, что она постоянно пасётся на чужих территориях; сверкающую золотом и камнями Крысу Ларису – за то, что она, жена банкира, отбирает кусок хлеба у остального бедного люда редакции; троих друзей (Три Свина) – за постоянные мелкие пакости; даже скромный и незаметный репортёр-криминалист, появившийся в редакции редко благодаря активному участию в делах правоохранительных органов, удостоился клички Шушера и был ненавидим за более чем свободный график работы.

Но самым главным «врагом человечества» (за исключением самой Ольги Портич) был Олег Сергеевич Левшин по прозвищу Лысый Чёрт, который занял в газете для своих материалов самое привлекательное место, центральный разворот, да ещё предоставлял мелочёвку для отдела новостей, да еще ухитрялся вставить вещичку на какую-нибудь другую полосу – в общей сложности у него выходило в среднем две с половиной полосы, в то время как остальные довольствовались одной, в лучшем случае – полуторами.

– Да что же это такое?! – негодовала местная обществен-

ность. – Ни в одном издательстве такого безобразия нет! Этот проходимец уже больше редактора получает! Куда ему столько денег, скажите на милость? Обоих сыновей пристроил очень даже неплохо, живут вдвоём с супругой, с собой в гроб он эти деньги положит, что ли? Чем он лучше нас, в конце концов?! У-у-у... Ч-ч-чёрт Лысый!

Левшин имел невысокий рост и широченные, как у борца или штангиста, плечи. Совершенно лысый череп, кустистые брови, глубоко посаженные острые глаза и крупный нос дополнялись оглушительным басом. С ним предпочитали не связываться, потому что он орал долго, со вкусом, не стесняясь в выражениях и не давая никому работать. Если убрать из его монологов всё лишнее, главная мысль выглядела так: развалится промышленность – и город зайдёт к чёртовой бабушке, не спасут его ни учителя, ни коновалы, ни самый распрекрасный мэр, ни группы «Альфа» и «Омега», вместе взятые! Бронбойный Лысый Черт отважно стоял на страже городской промышленности, и Ольга очень жалела, что в её родном Борске не было такого Левшина.

Прошел февраль, денег у нее резко убавилось, в редакции платили копейки, как внештатному корреспонденту. Редактор объяснил: чтобы войти в состав редакции и получить девятый разряд, надо отработать три месяца. В марте началось таяние снега, её старые сапоги прохудились окончательно, а двор был неухоженным, во многих местах от асфальта остались одни воспоминания. Пожалуй, самое сырое место

пролегало как раз от крыльца её подъезда до проезжей части между домами. Все-таки это была не летняя грязь, ноги мёрзли ужасно, и она боялась простудиться и заболеть – кто тогда будет ее кормить?

В конце концов она написала статью, которая вполне подходила для её рубрики «Люди на обочине». Через неделю после выхода статьи в свет во дворе появилась большая куча гравия. Пару дней Ольга ждала, когда будут засыпаны самые грязные места, не дождалась и вечером после работы взяла совок, ведро и пошла делать себе «брод». Работала она долго. Прохожие останавливались, глазели, похваливали, но ни один не захотел помочь. Глубокой ночью Ольга почувствовала невыносимую усталость, из последних сил все-таки досыпала дорожку до проезжей части и с большим трудом добралась до своей квартиры. Состояние было ужасное: её начало из стороны в сторону, в глазах потемнело, по грудной клетке разлилась острая боль. Она вспомнила маму – та иногда бледнела и растирала ладонью левую сторону груди. Да и сама она перед больницей делала то же самое. Стало быть, сердце... А лекарств никаких нет, денег тоже. Надо хотя бы хорошенько отдохнуть.

Назавтра она проспала, но отдых помог мало. На работу брела еле-еле, но своей отсыпанной дорожке все-таки порадовалась. Переобуваться в редакции не стала – не было сил. Села в свой уголок и принялась за работу – в голове уже сложилась статья об одной старушке из их дома.

И тут прямо над ухом грянул гром. Вообще-то, это разорался Лысый Чёрт, но так неожиданно, что Ольга вздрогнула и свалилась со стула. Она услышала громкий хохот коллег и потеряла сознание.

Очнулась на полу, полураздетая. Над ней склонилась незнакомая женщина, пахло лекарствами.

– Давай-ка аккуратненько сядем на стул, – сказала она. – Вот так. Выпиваем? Балуемся наркотиками?

Ольга непонимающе уставилась на незнакомку в белом халате: откуда ей, Ольге, знать, чем эта незнакомка занимается? Может, и выпивает.

– Ты что, не можешь говорить? Я тебе вопрос задала.

– Доктор, я же про вас ничего не знаю. Простите.

Женщина хохотнула:

– Ну, тогда давай про себя рассказывай. У тебя как с этим делом?

– Никак.

– Совсем?

– Совсем.

– А чего тощая такая?

– Да не с чего толстой быть. За квартиру отдала четыре тысячи, а в редакции получила две. Но это временно. Потом мне разряд присвоят.

– Если доживёшь. Ладно, собирайся, домой отвезу.

Докторша помогла Ольге добрести до машины и выбрать-ся из неё напротив подъезда.

– Доберёшься до квартиры сама?

– Конечно, – пообещала девушка, сделала несколько шагов и упала на свою дорожку.

– Ох ты, горе горькое, – вздохнула докторша, помогла Ольге подняться и осторожно повела к дому.

Тут откуда ни возьмись появился Лысый Чёрт, он подхватил беднягу на руки, спросил, какой этаж, и легко доставил прямо к двери. Сзади семенила докторша. В квартиру вошли втроём. Ольгу уложили в кровать, поставили еще один укол и хотели накормить, но было нечем.

– Побудьте тут с полчаса, – скомандовал докторше Лысый Чёрт, – я скоро вернусь.

– Скажите, пожалуйста, – обратилась Ольга к докторше, когда за ним закрылась дверь, – откуда тут взялся Лыс... то есть, Олег Сергеевич?

– Так он на своей машине за нами ехал.

– Зачем?

– Это ты у него спрашивай. Переживает, наверное. Ладно, отдыхай пока.

Ольге хотелось спать, но она всё-таки дождалась Левшина. Он прибыл с пакетами и взялся рассовывать продукты и лекарства в холодильник и в шкаф, а докторшу попросил вымыть для Ольги яблоко и очистить банан. Наконец медицина отбыла восвояси, Левшин на скорую руку сварил суп из консервов, накормил больную, немного подумал и заявил:

– Значит, так. Больничный мы тебе оплатим. Как сотруд-

нице. Присвоим десятый разряд. В своем развороте уделю тебе полполосы. Это на первое время, дальше посмотрим. Сейчас я тебя замкну и съезжу сделать дубликат с твоего ключа. Ты у нас девица непредсказуемая, мало ли что.

– Ой, не надо! Хозяйка будет ругаться!

– Я с ней уже договорился.

– Олег Сергеевич, спасибо Вам большое! Но мне так неловко!..

– Замечательно! Наконец-то в нашей редакции появился человек, которому бывает неловко! Всё, отдыхай, поправляйся, завтра приду, проверю, как выполняешь мои указания.

* * *

Ольга провалялась дома две недели, за это время к ней несколько раз приходила медсестра ставить уколы, навещал Лысый Черт. Она немножко отъелась, но всё равно экономила, как могла: будущее, несмотря на обещания Левшина, вырисовывалось смутно.

Редакция взбунтовалась: как?! Проклятый Лысый Чёрт целых полполосы отдал – и кому?! Какой-то поганке с по-мойки! Добился для неё десятого разряда, такого же, как у Веры-Холеры, которая работает в газете уже два года и учится в литературном институте заочно! Более того, взял эту мерзавку в свой кабинет и разрешает работать на собственном ноутбуке, даже флэшку подарил! За какие такие

заслуги, спрашивается!

Неужели его потянуло на молоденькую? Правда, там одни кости, уколотся можно, но вдруг именно это его и заводит? Как говорится, на вкус – на цвет...

При Левшине Ольгу, естественно, доставать не решались, но в его отсутствие творили, что хотели. Пришлось ей просить Левшина сделать дубликат ключа от кабинета и закрыться.

Во весь рост встала другая проблема: её сапоги все больше просили каши, но если материал для рубрики «Люди на обочине» можно было и в них собирать, то производственная тематика для полосы Левшина требовала нормальной обуви, а денег по-прежнему на неё не было. И вот теперь эта подошва! Как раз сейчас, когда появилась возможность зарабатывать больше, ей не в чем выйти из дома!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.